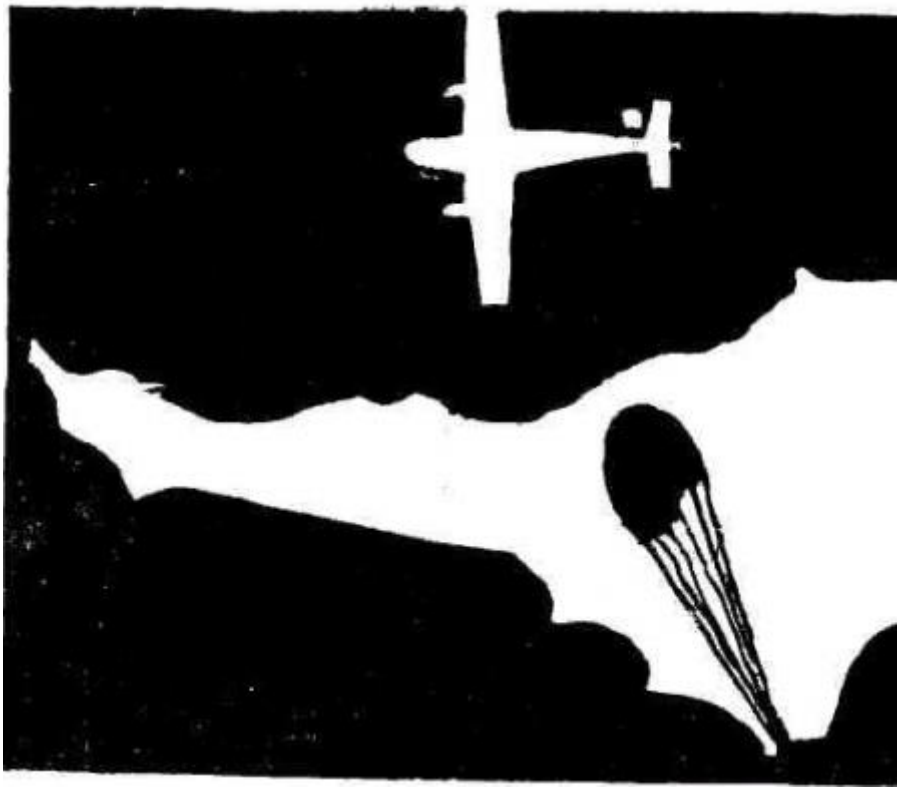
Кемел Токаев

НОЧНОЙ ВЫСТРЕЛ



1

Короткий, призрачный, ломкий свет выхватывал на миг оцепеневший лес, а потом его снова проглатывала темнота. Плакал дождь...

Мырзаш стоял на пороге с двустволкой в руках. Он всматривался в ночь и слушал ее шепот. Успокаивающе шелестел дождь и не было больше никаких посторонних звуков. Снова сверкнула молния и выхватила на миг черный силуэт спускающегося с неба человека. Он мерно покачивался на дождевых струях.

«Да человек ли это? Что за наваждение?» Мырзаш вытянул шею, пытаясь что-нибудь разглядеть. Но лес уже снова погрузился в плотную тьму. «Видно, самолет потерпел аварию, а человек выбросился. Эх, да кто же летает в такую погоду?! Это же верная гибель!» Мырзаш постоял, глядя на непроницаемое небо, затем определил примерное направление и пошел по лесу искать человека, упавшего с неба в дикую чащу.

Есть в лесу место, которое называется «Шакалье логово». Рядом предательская трясина. На подходе к этому месту пузырится непросыхающая грязь. В эту сторону и шел старый Мырзаш мало кому знакомой тропинкой, которая вела самым коротким путем.

Он остановился и прислушался. Ему показалось, что в стороне кто-то прерывисто дышит, задыхаясь, спешит куда-то.

— Э-э-эй! Кто там есть? Иди сюда! Дальше топь! Туда нельзя! Погибнешь!

Старик снова прислушался, но ответа не было. «Уж не засосала ли беднягу трясина?» — с сожалением подумал он и заторопился. В небе изломанно вспыхнула синяя молния. В ее неверном свете он увидел согнутую фигуру человека, бегущего прочь. «Да в своем ли он уме? Почему убегает?» — подумал старик и крикнул:

— Эй, да ты не бойся! Иди сюда! Я лесник!

С треском ломая ногами сучья, отводя от лица тяжелые ветки, старый Мырзаш пошел в ту сторону, куда бежал неизвестный.

— Стой! Стрелять буду! — раздался резкий окрик. Старик невольно отпрянул. Кто-то навел ему в лицо сильный луч карманного фонаря. Прячась от света, Мырзаш жался к деревьям, снимая с плеча двустволку.

— Не двигаться! — приказал властный голос.

— Да кто же ты? Что здесь делаешь? — вскричал старик, поднимая ружье. В тот же миг сухо щелкнул выстрел. Казалось, луч света вонзился в грудь и горячим пламенем разлился по телу. Дрогнул лес, и земля рванулась из-под ног. Падали, кружась, деревья. И вместе с деревьями падал старый лесник.

2

Генерал стоял у открытого окна и смотрел в сторону гор. Синеватый дымок вился из его кривой трубки и таял, уносимый легким ветерком.

Зазвонил телефон. Генерал быстро подошел к аппарату и поднял трубку.

— Слушаю вас!

Послышался чей-то голос, густой и сильный:

— Товарищ генерал, докладывает двадцать четвертый. Службой противовоздушной обороны замечен самолет, нарушивший государственную границу СССР. Возможно...

— Я вас понял, товарищ полковник. Спасибо. Мы уже принимаем меры.

В кабинет вошел молоденький лейтенант.

— Товарищ генерал, оперативная группа собрана.

— Зовите!

В кабинет вошли Бугенбаев, Лопатин, Алтаев и несколько человек в штатском. Генерал Байтоков подошел к большой карте, висящей на стене, взял указку.

— Пятнадцать минут назад службой ПВО был обнаружен чужой самолет, нарушивший государственную границу Советского Союза. В районе нарушения идет сильный дождь. В верхних слоях воздуха шквальный ветер. Сначала предполагали, что самолет был вынужден изменить маршрут из-за непогоды, что он потерял ориентир из-за неисправности навигационных приборов, но самолет шел, прячась за тучи, выключив

сигнальные огни. Теперь ясно, что самолет нарушил границу с весьма определенной, враждебной целью, — генерал показал маршрут самолета-нарушителя. — Если присмотреться, враг обдуманно выбрал именно этот участок, здесь на многие километры тянется густой лес. Есть места и вовсе непроходимые — овраги, густо заросшие кустарником, топи. Неподалеку проходит железная дорога, и сравнительно близко лежит город. Местные оперативные работники уже выехали в район нарушения границы, чтобы блокировать дороги и прочесать район полета самолета-нарушителя. Был ли сброшен диверсант, нам пока не известно. Но мы должны быть к этому готовы. Вот почему, товарищи, понадобится ваша помощь, — генерал посмотрел на светлолицего высокого человека. — Вместе с группой вылетайте немедленно, товарищ майор. Самолет уже подготовлен.

Бугенбаев вытянулся:

— Слушаюсь, товарищ генерал!

— Подробности обговорим по дороге к аэродрому. А вы, товарищ Лопатин, свяжитесь с пограничниками и составьте общий план операции. Посоветуйтесь с полковником. План обсудим вместе. Все понятно, товарищи? Вопросов нет? Тогда приступайте!

3

Солнце взошло, и лес, освеженный дождем, засиял чистыми яркими красками. Листва трепетала под ласковым утренним ветерком. Трава, казалось, стала гуще и сочней.

Бахытжан Алтаев опередил оперативную группу примерно на полкилометра. Он шел по колено в мокрой траве, временами останавливался и бросал внимательный взгляд по сторонам. Вокруг шла своя лесная жизнь, полная гомона, пересвистов и щебетанья. Все живое уже проснулось. Среди ветвей порхают птицы, занимаясь своими, птичьими делами. Тяжело пролетел филин, спешащий в свое дупло после ночной разбойничьей вылазки. Вспугнув целую птичью стаю, расположившуюся было на удобной ветке, Бахытжан прошел вперед. Земля под ногами пружинила и оседала, и следы сразу заполнялись водой. Обойдя густые заросли, он чуть не натолкнулся на человека, лежавшего под большим деревом. Алтаев нагнулся. Это был сухонький, смуглокожий старик с торчащей вверх бороденкой и окровавленной грудью. Выстрел опрокинул его на спину. Двустволка валялась рядом. Бахытжан махнул рукой, давая знак отставшим товарищам. Потом он встал на колени, приложил ухо к груди старика и долго прислушивался, затаив дыхание.

— Жив? — спросил майор Бугенбаев, подошедший раньше других.

— По-моему, сердце еще бьется, товарищ майор.

— Отойди-ка, — попросил майор и, опустившись рядом, стал слушать сам. — Дыхание есть, но очень слабое. Надо срочно вызвать машину и немедленно отправить его в больницу.

Бугенбаев и Алтаев тщательно исследовали окрестности и обнаружили следы. Следы, почти уничтоженные дождем, принадлежали явно не леснику. Их оставили тяжелые ботинки с рубчатой подошвой.

Показалась машина, она стремительно промчалась мимо группы людей и резко затормозила. Тотчас из нее вылезли люди с носилками. Ко рту старика поднесли кислородную подушку. Врач сделал ему укол, и машина снова унеслась, увозя с собой старого лесника. На вопрос майора Бугенбаева, будет ли раненый жить, врач коротко ответил на ходу:

— Ничего не могу сказать, он потерял много крови.

Бахытжан, не отрываясь, смотрел вслед удаляющейся машине.

— Это был единственный свидетель, встретившийся с врагом. Будет жаль, если он не сможет нам помочь, — сказал он.

— Не будем терять надежды, Бахытжан, — и Бугенбаев показал ему сырой гипсовый слепок следа. — Тот, кто оставил этот след, носит обувь сорок второго размера. Вес его примерно 75—78 килограммов. Это человек среднего роста, не старше сорока лет. Шаги у него энергичные. Судя по всему, человек он хорошо тренированный. Конечно, это пока предложения. Но все же теперь мы кое-что знаем.

Группа Бугенбаева прочесала весь лес, все проходимые места. Майор получал донесения с других постов: нигде не обнаружен чужой человек. Диверсант словно под землю провалился. Где же искать врага, уже поднявшего руку на одного из наших людей? Эта мысль не давала покоя майору. Если он успел выбраться из района приземления, то его придется искать, может быть, по всей республике.

— Но Казахстан так велик, товарищ майор! Как говорит поэт: «Пять Франций без Лувров, Монмартров...»

— Но что делать? Работа наша такая, Бахытжан, — чуть слышно вздохнул Бугенбаев и повернулся к капитану Сарбасову, молчаливо шагавшему рядом. — Уже нет необходимости всем нам быть вместе. Прошу вас остаться здесь и лично проверить каждый пост. Если возникнет ситуация, вызывающая сомнения, немедленно дайте знать мне. Попробуем по-другому...

— Хорошо, товарищ майор.

В тот же день Бугенбаев собрался выехать в областной центр. Неожиданное происшествие задержало его. На свалке, рядом со станционной столовой, был найден пистолет. Вскоре позвонил лейтенант Алтаев:

— Товарищ майор, на перроне задержан человек, ожидавший прихода поезда. Он назвался Османом Якуповым. В буханке хлеба, которую он держал в наволочке от подушки, обнаружены семь тысяч шестьсот рублей советских денег и компас. Задержанный находится в отделении линейной железнодорожной милиции. Какие будут распоряжения?

— Сейчас выезжаю, — коротко ответил Бугенбаев.

Якупов сидел в углу комнаты на табуретке. Волосы на бритой голове успели отрасти. Он грыз ногти, изредка шмыгая носом. Когда вошли Бугенбаев и Алтаев, он встретил их горящим взглядом, по-волчьи повернувшись всем корпусом.

— Кто вы? — спросил майор.

— Я рабочий человек, — ответил задержанный, поглаживая шишковатый лоб ладонью. — Я вижу, милиции нечего больше делать, если она стала задерживать просто так, из любви к искусству. Ни за что задержали меня.

— Где вы работаете?

— А вон в той бумажке все сказано.

— Я спрашиваю у вас.

— Работаю кочегаром на фабрике «Ява». Взял очередной отпуск недавно.

— Куда едете? Якупов вздохнул.

— Это долгая история. Нас было двое братьев-близнецов. В голодный год я потерял Акрама. Казахи любят детей. Не считаются с тем, свой ли, чужой ли, не делают различия. Я прослышал, что кто-то из здешних жителей усыновил его. Я понимаю, что он стал другим человеком, получил иное воспитание, но все же решил его отыскать. Думаю, не оттолкнет свою же кровь.

— Это все ваше? — Бугенбаев показал на кучу денег, разложенных на столе.

— Да.

— Конечно, своим трудом заработали?

— По-разному. И сам заработал, и по займу выиграл, и кое-чем, признаться, приторговывал. Думал, нужны будут, если поиски брата затянутся.

— А что в этой бутылке?

Якупов скосил свои прищуренные глаза.

— Ах это? Клей.

— Нет, гражданин Якупов, это не клей. Это специальный ядовитый состав, сбивающий розыскную собаку, напавшую на след. Им смазывают подошвы.

— Что вы говорите?! Значит, обманул меня проклятый торговец. Он выдал это за клей.

— Вы сами себя хотите обмануть. Откуда у вас этот пистолет?

— Не может быть! — он замахал руками. — Это какая-то ошибка. Сроду я такой штуки в руках не держал! Не знаю как и называется.

— Обыскать! Проверить каждый шов!

Якупов вскочил.

— Сидеть! — резко приказал Бугенбаев. — Не двигаться!

За подкладкой пиджака Якупова нашли девять справок о том, что предъявитель работает на табачной фабрике «Ява», что он находится в отпуске. Все они были заполнены на имя Османа Якупова, но каждая продлевала срок отпуска, указанного в очередной справке.

— Пистолет и все эти вещи немедленно отправьте на экспертизу, — приказал майор Алтаеву, а сам повернулся к Якупову. — Итак, куда вы направлялись? Я у вас спрашиваю, — и он подошел к задержанному вплотную. Тот молчал, сидел, низко опустив голову, и не реагировал на слова Бугенбаева.

— Ну, хорошо. Все проверим и выясним. Не пришлось бы потом только сожалеть, — и майор обратился к конвоиру: — Доставьте его в райотдел. Там поговорим.

Майор вышел.

Из кабинета первого секретаря райкома партии Бугенбаев связался с генералом. Он доложил о задержании Якупова, описал его внешность, результаты обыска и передал легенду задержанного. Генерал спросил о дальнейших планах майора.

— Жду результатов экспертизы, — сказал Бугенбаев, — но размер обуви и рисунок подошвы соответствует следам, обнаруженным возле лесника.

Генерал помолчал, видно, подумал о чем-то, потом спросил:

— Вы где будете? Я сейчас переговорю с Москвой, потом позвоню вам.

Генерал Байтоков позвонил через час. Он сказал Бугенбаеву, торопливо поднявшему трубку:

— Я говорил с Москвой. Описание внешности задержанного совпадают с портретом некоего Наматханова. На рынке стали продаваться вещи, которые уплывали из армейского склада. Задержанные спекулянты описали внешний вид Наматханова. Но вору удалось скрыться. Никаких следов не было обнаружено. Его кличка Черный Делец. Обратите внимание на это.

Эксперты обнаружили отпечатки пальцев Якупова на пистолете и на других вещах. Из пистолета было сделано два выстрела, хотя в обойме нет только одного патрона. Пороховая гарь в стволе показала, что произведены выстрелы были за 10—12 часов до ареста Якупова. Время совпадало с моментом появления неизвестного самолета.

Когда Якупова привели в одиночную камеру и заперли там, он долго плакал и бил себя кулаками по голове, расцарапал в кровь лицо. Увидевший это в глазок охранник доложил Бугенбаеву:

— Сам себя не жалеет, товарищ майор. Как бы руки не наложил...

— Трус не пойдет на самоубийство, — сказал Бугенбаев. — Не беспокойтесь.

На допросе задержанный все еще продолжал плакать, пытался встать на колени, говорил умоляюще:

— Агай, обещайте мне жизнь. Я... Я все расскажу. Не расстреливайте меня. Не надо! Я искуплю! Я ошибался, я был глуп!..

— Сейчас же встаньте! — крикнул Бугенбаев.

— Садитесь! — уже спокойно сказал майор. — Ваше настоящее имя?

— Якупов.

— Я спрашиваю вашу настоящую фамилию. Якупов опустил голову и тихо ответил:

— Наматханов... Спекулянты сами занимаются черными делами, а меня назвали Черным Дельцом. Это несправедливо.

— Значит, вы были завербованы иностранной разведкой?

— Да.

— Когда вас забросили к нам?

— Позавчера ночью.

— Вы были один?

— В том отсеке самолета, который доставил меня сюда, нас было двое.

— Кто второй?

— Инструктор. Он обучал нас в школе прыжкам с парашютом.

— Кто еще был?

— Я никого больше не видел.

— Вы стреляли в лесника?

Глаза Наматханова расширились:

— Что вы говорите? Я стрелял в человека?! Нет, нет! Я спекулировал, это верно. Но кровь человеческую я не проливал. Нет этого груза на моей совести. Боже меня сохрани, это клевета.

— Кто же стрелял?

— Не знаю.

— На этом пистолете нет других отпечатков, кроме ваших. Стреляли из него как раз в ту ночь. Не хотите на себя вину брать, а пистолет почистить даже не удосужились.

— Клянусь аллахом! Я не стрелял в лесника. Верьте мне.

— С аллахом на устах, с оружием в руках, выходит? Как же это?

Якупов-Наматханов насупился.

— Куда же вы направлялись?

— Я должен был не торопясь собирать сведения о военных заводах. Сначала надо было выйти к Тюмени, потом через Омск проехать весь Казахстан. Но я бы все равно не сделал этого. Я давно решил явиться в милицию с повинной.

— Зачем тогда было прятать в лесу парашют и рацию? Или вы хотели поиграть в жмурки?

Конвоир увел Якупова-Наматханова. Майор повернулся к Бахытжану.

— Вы объехали посты? Пусть проверяют каждого человека. Наблюдение оставлять еще рано.

— Так точно, товарищ майор!

4

По безлюдной проселочной дороге мчится машина. В кабине сидят двое. Уронив голову на грудь, дремлет рядом с шофером толстый казах с темным рябым лицом. Бросив на него короткий взгляд, шофер улыбнулся и покачал головой:

— Развеселая у тебя жизнь, Жуке! Ни забот, ни печалей, да и работы никакой. Баловень судьбы!

Толстяк вместо ответа густо всхрапнул. Машина виляла на поворотах, тряслась на кочках и выбоинах. Шофер заскучал с таким спутником и стал насвистывать какую-то мелодию.

Увидев на дороге двоих незнакомых людей с красными повязками на рукавах, шофер встревожился. Он толчками разбудил Жундыбая:

— Ой-бай, Жуке, пропали! Я же говорил, что пить не буду, так вы заставили. Пристали, как репей. Из-за вас все! Что теперь делать?

Жундыбай Сатпаков заморгал заплывшими глазками:

— Что случилось? Кто это?

— Инспекторы, по-моему. Присмотритесь-ка.

Сатпаков вытянул шею, внимательно всмотрелся.

— Если я знаю людей, то эти из тех хитрецов, что хотят добыть немного денег. Не бойся, парень, ты же вечером пил, перед сном, теперь уж и не пахнет. Этих я беру на себя. Я им покажу, где раки зимуют, — и он сел выпрямившись с недоступным и важным видом.

— Ох, агай, не надо их раздражать! Прошу тебя, не зли их напрасно!

— Ты, парень, за кого меня принимаешь? Твой агай не какой-нибудь там простецкий мужик, не пешедрал босоногий. Пусть знают, что есть в этих местах Сатпаков.

Двое просигналили красным флажком, шофер затормозил. Встав на подножку, Бахытжан Алтаев показал свое удостоверение.

— Прошу предъявить документы!

— И мне? — удивленно вытаращился Сатпаков.

— Вам тоже.

Шофер начал оправдываться:

— Агай, да что вы это? Мы уж по самой богом забытой дороге едем. Никаких правил уличного движения не нарушили.

— Почему нет отметки в путевом листе?

— Агай, мы же в районе, а не в городе и не на трассе. Мы, как приедем к месту назначения, так сами заполняем листы. Ей-богу! — И, как бы ища подтверждения, паренек повернулся к Сатпакову, толкнув его локтем. Тот заюлил, заискивающе глядя в глаза:

— Дорогой, ты и в самом деле забыл меня, не узнал? Я — продавец райпотребсоюза, Сатпаков. Да-да, меня зовут Жундыбай, — и дрожащими пальцами он полез в карман.

— А что в машине?

— Да сахар, чай для чабанов.

Бахытжан залез в кузов, все осмотрел и спрыгнул.

— Вы по пути не видели никого?

Сатпаков краешком глаза посмотрел на шофера и, встретив устремленный на себя взгляд, поспешил заявить:

— Нет, никого не видели.

— Может, запамятовали?

— Нет, нет, никого не встречали.

Когда машина отъехала от поста подальше, Сатпаков снова приосанился:

— Парень! Держись за дядю — не пропадешь!

— А кого они ищут? — спросил шофер, не отрываясь от дороги.

— Не твое дело, и не мое, — сказал Жундыбай, задетый тем, что его перебил шофер, — не нас с тобой ищут.

Жундыбай уснул. Машина мчалась к горам.

5

Центральная усадьба колхоза «Алга» — село Кушай, расположенное у подножия горы Ешки-Ульмес. Большинство новых домов, крытых черепицей, стоят ближе к равнине, а старые дома жмутся к горам. Место это было богато зеленью. По плоской низине вьется речка, вода в ней чистая, ледяная и прозрачная, как хрусталь.

На высоком берегу речки стоит пожилой человек с редкими усами и всматривается из-под ладони вдаль.

— Э-эй, Бекен, где ты? — вдруг кричит он.

Из дома неподалеку, над которым реет красный флаг, выходит юноша.

— Вы звали меня, ага?

— Опора моя, приведи мне мою лошадь. Надо на джайляу съездить. Люди там, поди, остались совсем без чая и сахара. Узнаю, привез ли им продукты этот лодырь Сатпаков.

— Хорошо, ага! — Бекен сбежал с пригорка в низину.

— Эй, осторожней! Особенно, когда путы снимать будешь! Конь с норовом, злой, как бы не покалечил!

Спустившись в лог, Бекен увидел коня. Тот пасется вольно, без пут.

— Старик из ума выжил, видать. Говорил, что спутал коня....

Бекен нашел путы — валялись в траве. Он поднял веревку, не замечая, что за ним настороженно следит человек, притаившийся в неглубокой яме, прикрытой кустом боярышника. Бекен повернулся к яме спиной. Человек сжался, как боевая пружина, готовый к смертельному прыжку, в руке его сверкнул нож. Он уже оперся на руку, приподнялся, но в это время Бекен бросился бежать к коню. Человек скрипнул зубами. Он обвел взглядом низину, близкие горы. В голове лихорадочно прыгали мысли: «Отсюда надо немедленно уходить. Нельзя оставаться ни минуты. Лучше всего вон к тем зарослям». Вытянув шею, он посмотрел в сторону села. Юноши, искавшего коня, не было видно. К реке спускалась женщина с коромыслом на плечах. Пустые ведра позванивали. Человек сунул нож за голенище, отряхнулся, набросил пиджак на одно плечо и в небрежной позе уселся у самой воды.

Калампур, проходя мимо, взглянула на него раз-другой и спросила:

— Эй, парень, кто ты такой? Что-то не узнаю!

— Из района, мамаша! Машина по дороге сломалась, вот и чапаю пешком, — незнакомец поднялся с земли.

— А не сыном ли ты приходишься мастеру Пашке?

— Узнали, наконец? — улыбнулся человек.

Пашке для Калампур был кузнец из райцентра, который дружил с семьей старого лесника.

— На днях твой батька был в ауле, остался пообедать. Они же кунаки с нашим стариком. Ну, как отец, здоров?

— Слава богу, здоров!

— Ну и хорошо.

— А как аксакал? Крепок еще здоровьем? — осторожно спросил человек.

— А старик лес охраняет. Слава богу, бодр. Я-то сюда приехала ненадолго. По детям больно соскучилась. А теперь вот о старике все думаю — одиноко ему в лесу. — Калампур оглядела стоявшего перед ней человека с ног до головы. — Пашке говорил как-то, что в городе у него сын есть. Мастер еще лучше, чем отец. Наследником называл. Значит, это ты?

— Да, мать, я и есть тот сын Павла.

— Я-то представляла тебя совсем молоденьким, а ты уж годишься сам в отцы. А плитку ты можешь починить?

— Почему не починить, могу.

— Дай бог тебе здоровья! А то нам не на чем чай вскипятить...

Русоволосый плечистый парень играючи нес полные ведра. Но, сохраняя на лице улыбку, он то и дело по-волчьи настороженно бросал холодные взгляды по сторонам. Калампур семенила за ним следом и тараторила:

— Раньше мы жгли кизяк. Он дает хорошее пламя, но дым от него все глаза выест, и чаю не захочешь. Эх, что может сравниться с огненной змейкой электроплиты? Пожарче кизяка будет, а? Не успеешь и рта раскрыть, а чайник уже кипит.

— Да, электричество — большая сила.

В это время на окраине села показалась машина. Парень побледнел. Отвернув лицо, он торопливо сказал:

— Мамаша, какой ваш дом? А-а, с зеленой калиткой? Так я пойду побыстрее, а вы следом подоспеете. А то плечи режет коромысло.

— Это с непривычки.

Добровольный помощник Калампур пошел быстрым спортивным шагом и шмыгнул в калитку. Поставив ведра, прильнул к щели. ГАЗ-69 свернул на другую улицу...

Рыжий старик седлал коня, собираясь на джайляу. Заметив машину, остановившуюся возле аулсовета, он задержался. Машину вел сам капитан Сарбасов. Он сказал сидевшему рядом Бугенбаеву:

— Вон тот человек — председатель аульного Совета Асылбаев. Человек он очень хладнокровный, его расшевелить трудно, даже если землетрясение случится. Работает здесь со дня образования Совета. Мы его называем Саке. Правда, настоящее имя его Нуржан, но женщины придумали ему прозвище. «Где у него видна нур — красота? Это же обыкновенный рыжий пастух — Сарыкойши». Так и прилипло к нему прозвище. Он и сам уже привык к нему. Постепенно люди забыли его настоящее имя. В конце концов и в документах он стал значиться под этим именем.

Асылбаев пошел навстречу людям, вышедшим из машины. После обязательных приветствий Бугенбаев сказал старику:

— Саке, мы к вам приехали по важному делу. По телефону связаться с вами не удалось.

— Не работает у нас телефон — видно, ветер был сильный, порвал провода где-то на линии. Мы тоже никак не можем с районом поговорить, — объяснил Асылбаев. — Прошу в дом!

— А в конторе есть кто-нибудь?

— Кроме парнишки-секретаря, никого нет. Люди все заняты хозяйственными делами. Я и сам собирался на джайляу.

— Соберите побыстрее всех активистов аула и депутатов пригласите. Если нужно, берите нашу машину.

— Э-э, не надо, близко здесь, можно и на коне съездить. Так даже лучше. В иных местах на машине не проедешь, — повернувшись в сторону конторы, Асылбаев крикнул: — Эй, Бекен! Позови-ка сейчас же агронома и учителей! Пусть поторопятся! Забеги и в правление колхоза. По-моему, председатель где-то здесь. Всех зови. Скажи, что приехали люди из столицы.

Скоро в контору стал собираться аульный актив.

6

Возле одного из домов несколько пожилых женщин оживленно обсуждали свои нехитрые житейские дела. Когда Калампур в кипенно-белом кимешеке проходила мимо, одна из старух остановила ее:

— Какие новости, Калампур?

— Какие могут быть у нас новости? — удивилась Калампур.

— Давай-давай, рассказывай! Сынок-то у тебя секретарем в аулсовете, а ты прямо ничего и не ведаешь? Что за люди к нам в аул приехали?

— Бекен-жан сегодня не приходил домой обедать. На работе, видно, задержался. Ничего не знаю, подружки. Пусть я оглохну, если слышала что-нибудь!

Одна из старух облизала пересохшие губы остреньким язычком:

— А ведь она и в самом деле ничего не знает! — и зашептала быстро, словно боялась, что ее кто-то услышит. — У Сарыкойши собрание было. Оказывается, враг прислал к нам пышпиена.

Калампур испугалась:

— Астапыралла! Что еще за пышпиен?

— Да не пышпиен, а ышпиян, — поправила подругу древняя старуха.

— А каким он хоть бывает из себя?

— А пес его знает. Говорят, он, как цыган, в дом войдет — и сам ему лошадь отдашь. Сразу станет своим человеком в твоем доме.

— Астапыралла! — схватилась за голову Калампур и со всех ног бросилась к своему дому.

— Что это с ней? — переглянулись старухи.

Дома Калампур застала сына, собирающегося в дорогу.

— Что случилось, Бекен-жан?

— Собирайтесь скорее, апа, в город поедем. Отец в больнице лежит.

— Ох, что ты такое говоришь, сынок?! О аллах! Да жив ли он?

Калампур схватила какой-то платок, кинулась к двери. Потом вернулась и стала рыться в недрах зеленого сундука. Что-то перекладывала, что-то отбирала. Вид у нее был как у тяжело больной. Она прижала к груди безрукавку старика, подбитую мехом выдры, и заторопила сына.

ГАЗ-69 выехал из аула и помчался стремительно на запад. Старухе показалось, что машина еле ползет.

7

По одной стороне дороги, ведущей к Ешки-Ульмес, тянется глубокий овраг, а с другой подступает непролазная лесная чаща. Это место называется Перисоккан. Редкие путники появляются здесь только днем, а чуть наступит вечер — не встретишь тут ни души, нехорошее это место. Когда-то в давние времена жил в ауле мулла Косеубай, обучавший мусульманских отроков грамоте и шариату. Был у муллы единственный сын, юноша по имени Кимас. Любил этот парень поволочиться за девушками.

Отправил раз мулла сына за топливом в горы, и парень не вернулся. Стали искать его всем аулом. Долго искали. Конные рыскали по дорогам и холмам. Пешие следопыты не пропускали ни одной сломанной веточки. Наконец нашли люди джигита в глубоком овраге у старых могил, где он играл сам с собой, смеялся и хлопал в ладоши. Безумие жило в его глазах, горело странным и диким пламенем.

И решили люди, что сам Косеубай повинен в этом — наслал на сына порчу. Значит, и не мулла он вовсе, а неугодный аллаху обманщик. «Не быть ему наставником!» — и перестали детей отдавать ему в учение. От свалившихся на него бед занемог мулла и странными стали его речи. Аульчане со страхом видели, что и он стал безумным. Но что удивительно, как только мрачный недуг охватил отца, сын его выздоровел. Рассказав эту историю, старые люди замолкают и сидят, поглаживая серебряные бороды коричневыми руками. И если заглянете вы в их глаза, то увидите в них печаль. С тех пор и называют это мрачное место Перисоккан — проклятое место.

Человек бежит вдоль Перисоккана, задыхаясь, спотыкаясь, падая. Лишь поняв, что его никто не преследует, он останавливается, переводит дыхание. Выйдя к самому краю оврага, садится у кромки дороги. Это тот, кого встретила у реки и привела в свой дом Калампур. В кармане у него рядом с запасной обоймой для пистолета лежат документы на имя гражданина Черноносова. Покинув дом лесника под предлогом, что ему нужно в правление колхоза, Черноносов незаметно скрылся из аула. И вот теперь он, словно волк в засаде, сидит на краю пустынной дороги.

Вдруг Черноносов насторожился — послышался натужный рев грузовика. Вынув пистолет, диверсант залег в высокой траве. Из-за поворота показалась машина с крытым брезентом кузовом.

В кабине двое уже знакомых нам людей — шофер Жамиш и Сатпаков, в кузове — продукты для животноводов.

Когда машина, одолев очередной подъем, вышла на относительно ровную дорогу, Сатпаков положил руку на руль:

— Эй, парень, не остановиться ли нам ненадолго? А то надоело трястись. Подкрепиться бы не мешало.

— Что вы, агай? Давайте хоть проедем Перисоккан. Нехорошее место, — стал отговаривать шофер, но Сатпаков уперся на своем.

— Там, где есть водка, шайтану нечего делать. Да он лишь увидит «Белого дядю», сразу хвост подожмет. Не бойся, парень! Впереди джайляу, здесь нас никто не проверит, — сказал он, — даже бог!

— Я не верю, что бог вездесущ, а вот в то, что вездесущ автоинспектор, я крепко верю.

— Брось! Останови машину, хоть ноги разомнем чуть-чуть.

Жамиш свернул на обочину и поставил машину на небольшой полянке. Постелив на траве брезент, он раскинул поверх него скатерть. Скоро на ней высилась пирамида из белых кусков жирного курдюка, старыми монетами рассыпался накрошенный шужук, аппетитно пахли соленые огурчики, распадался колечками сладкий лук...

Жамиш залез в кузов и достал из ящика бутылку коньяка.

Сатпаков поморщился:

— Эй, парень, зачем ты принес этот вонючий напиток? Тащи-ка лучше арак.

Шофер принес водку.

— Зелен ты еще, браток, — сказал Сатпаков. — Зачем пить то, к чему не имеешь привычки. Бог знает, что этот напиток сделает с тобой. Лучше уж старую знакомую, верно? — и он ударом ладони вышиб пробку из бутылки. Налив себе полный граненый стакан, выпил, громко глотая. Откусив пол-огурца, он набил рот кусками сахаристого курдючного сала.

За пиршеством зорко наблюдал Черноносов. Сначала он хотел пристрелить этих гурманов, набивающих утробу, взять машину и гнать на ней дальше в горы. Но раздумал. Хватит с него и случайной встречи со старухой. Зачем лишние следы?

Челюсти Сатпакова исправно перемалывали пищу, не останавливаясь ни на минуту. Он ловко, одним движением губ оголял кость, срывая с нее огромные куски мяса. Глаза его не отрывались от скатерти-самобранки.

Солнце перевалило за горы, краски на вершинах поблекли. Приближался вечер. Хмельной Сатпаков, отвалившись от дастархана, дурным голосом затянул глупую и бессмысленную песню.

— Эх, парень, ты и не знаешь лечебных свойств водочки, — сказал он убирающему скатерть Жамишу. — У меня в машине поясница разболелась, а выпил — и все как рукой сняло.

— Нам еще порядочно ехать до места. Надо добраться, пока люди спать не улеглись.

— Ехать так ехать. Ты, коли я усну, сворачивай туда, где дымок вьется. Давно не пробовал я свежей сорпы и нежной баранинки. Соскучился.

Сатпаков с трудом поднялся на ноги, потянулся, громко зевнул, зашел в кусты. Только он присел, как, оглянувшись, заметил среди ветвей чью-то голову. Ох, да что это такое? Дьявол? Привидение? Он крепко зажмурился, чтобы прогнать наваждение. Когда снова открыл глаза, голова пропала. Сатпаков бросился к машине. Он бежал тяжело, отбрасывая ноги в стороны, как это делают при беге женщины. Рот его раскрылся в беззвучном вопле, он придерживал руками спадавшие брюки. Лицо стало синим.

— Ой-бай, джигит! Заводи машину живей! Едем-едем! Ох, быстрей!

Жамиш в это время вытряхивал брезент, на котором они сидели. Увидев Сатпакова, бегущего с вытаращенными глазами, он чуть не свалился от приступа хохота.

— Жуке, что с вами? Вы решили на джайляу голым приехать?

— Не стой же, черт бы тебя побрал! Заводи машину! Чего стоишь?

Когда машина, виляя, выехала на дорогу, через задний борт в нее запрыгнул Черноносов.

8

Старый Мырзаш все еще был без сознания. Бороденка его свалялась. В груди что-то хрипит, слышно только слабое дыхание. Жизнь еле теплится в нем. Рядом с его койкой установлена стойка из никелированных труб с зажимами. На ней укреплен пузатый сосуд, от него тянется резиновый шланг, один конец которого надет на иглу, введенную в вену больного. Равномерно падают светлые капли. У изголовья старика сидит Калампур. Она не отрываясь смотрит на медленные капли и каждый раз повторяет про себя: «О аллах! Пусть это спасет ему жизнь!» — и проводит ладонями по лицу. Изредка заходит сестра, щупает пульс больного, что-то поправляет и уходит по делам. Ее ждут и в других палатах. Когда она снова появилась в палате, Калампур сказала:

— Доченька, старик будет жить? В ауле много родственников, надо им тоже дать весть... Скажи правду.

— Что вы сказали? — сначала не поняла сестра. — Ах, вот вы о чем? Да не беспокойтесь, апа, все хорошо! Еще на золотой свадьбе той справите.

Слово «той» успокоило старуху.

— Да исполнятся твои желания, милая! Мед тебе в уста!

Калампур не сомкнула глаз у постели больного. Уже к рассвету старик снова стал чувствовать боль от раны, застонал. Когда первые лучи солнца проникли в палату, он открыл глаза, затуманенные болью, чужие, слепые глаза. Он не узнал Калампур. Долго смотрел, как в пустоту, и не узнал. Устало прикрыл веки. После обеда он начал бредить, пытался встать.

— Эй, кто это? Стой! Стрелять буду! — слабым голосом крикнул он и снова потерял сознание.

В палату вошел врач, сопровождаемый целой стайкой женщин в белых халатах. Он прошел прямо к койке Мырзаша. Откинул простыню и стал щупать пульс. Потом сделал какие-то распоряжения и пошел к двери. У самого порога обернулся, помолчал и сказал, обращаясь к Калампур:

— Байбише, опасности больше нет. Сердце работает хорошо. Он долго пролежал на холодной земле, в сырости и застудил легкие. Но теперь кризис миновал. Вы можете спокойно возвращаться домой.

— Не будет мне ни отдыха, ни покоя, пока старик здесь лежит. Не прогоняйте меня, я хочу остаться с ним. Я пригожусь... Если он попросит чего-нибудь, то никто лучше меня не поймет его...

Все молчали. Наконец главврач сказал сестре:

— Поставьте ей здесь раскладушку, — и вышел.

Майор Бугенбаев доложил генералу о результатах своей поездки на границу. За это время Якупов-Наматханов был допрошен не один раз.

Такие методы, как заброска шпионов с самолетов, переход контрольной полосы на копытах, под водой, на воздушном шаре и другие считались безнадежно устарелыми. Однако на этот раз использовали почему-то старый прием, заранее обрекая своего посланца на провал. Нарушитель прыгал с самолета. Почему? Ведь локаторы все равно зафиксируют нарушение воздушных границ, несмотря ни на какую погоду, будь это даже в ураган. За самолетом-нарушителем следят бесстрастные глаза приборов. Его «ведут» каждый метр пройденного им пути. И это хорошо известно заграничным шефам разведки. Зачем же они пошли на столь откровенный и наглый шаг? Надо думать, что подготовка диверсантов обошлась им недешево и отняла немало времени. И все это, нате вам, на ветер? Значит, этим агентом жертвовали ради кого-то другого. И это нарушение совершено для отвода глаз. Какую же цель преследовали они? — об этом и говорили генерал и Бугенбаев после того, как майор доложил обстановку.

Байтоков вышел из-за своего стола, походил по кабинету и присел в кресло рядом с Насиром. Ему хотелось выяснить все до мелочей, которые, возможно, выпали из внимания.

— В обойме не хватает одного патрона. Остальные все на месте. Значит, из пистолета стреляли только один раз. Эксперты же утверждают, что стреляли дважды. Мы должны им верить, потому что они говорят на основании научных фактов, верно?

— Да, пороховая копоть в стволе подтверждает их выводы.

— Может, пистолет чистился раньше?

— Якупову оружие вручили перед самым вылетом и там же был сделан единственный проверочный выстрел.

— Почему же не было проверено, как следует? Ведь зачастую жизнь разведчика зависит от исправности оружия.

— Его заторопили к самолету.

— Что-то здесь не так! — генерал Байтоков встал с места, снова начал мерить шагами кабинет.

— Враг пошел на открытое нарушение границы и сбросил своего агента с парашютом, — сказал он, глядя прямо в глаза Бугенбаеву, — что думаете об этом вы?

— Возможно, они надеялись, что именно такое неприкрытое нарушение пройдет незамеченным, хотя и была в этом изрядная доля риска.

— По-вашему, это психологический расчет? Ставка на удачу? Ну, нет! Там сидят не фаталисты и спириты, учтите, и не дилетанты, а асы разведки. Надо искать скрытый смысл. Да-да. Бросив нам этого Якупова-Наматханова, они рассчитывали отвлечь наше внимание от чего-то более важного для них. Надо ждать удара с другого места. Если бы самолет не сгорел в воздухе, а был приземлен на одном из наших аэродромов, мы, возможно, получили бы ответ и на этот вопрос. К сожалению, так не получилось.

Когда вражеский самолет, «заблудившийся» в непогоду, выполнив свое задание, повернул назад, ему было предложено спуститься и произвести посадку. Но он попытался уйти в тучи и проскочить. Тогда-то он и сгорел. Об этом майор Бугенбаев узнал от подполковника Лопатина, когда связался с Алма-Атой. Пилоту, кажется, удалось выпрыгнуть, но парашют его не раскрылся. Потом, при проверке, выяснилось, что парашют с самого начала был собран неправильно. Раскрыться он никак не мог. Хозяева предусмотрели и это. В общем, летчик не должен был попасть в наши руки, что и случилось.

Майор Бугенбаев понял мысли генерала. Он и сам раньше подумал об этом и поэтому не стал снимать посты наблюдения, которые стояли на лесных тропах и проселочных дорогах, на перекрестках и у шлагбаумов. Но в последние дни ничего подозрительного замечено не было. Единственным человеком, встретившимся с врагом лицом к лицу, был старый лесник Мырзаш. До того, как идти к генералу, майор переговорил с главным врачом больницы. Больной еще не пришел в себя. Если предположить, что с самолета был

сброшен не один человек, то следы, найденные на месте выстрела, говорят обратное. Все следы одного размера и одинакового рисунка. Словно угадав мысли Бугенбаева, генерал Байтоков сказал:

— Два человека могут носить одинаковую обувь и одного размера, — он подошел к карте. — Скажем, один из них вышел с другой стороны леса, краем болота. Кое-что мы в силах выяснить. Кто ведет расследование?

— Старший следователь подполковник Лесечко.

— Кто еще?

— Капитан Майлыбаев участвует в деле как помощник.

— А-а, это тот товарищ, который перешел к нам из милиции?

— Так точно! Он самый.

Якупов-Наматханов, которого по очереди допрашивали Лесечко и Талгат Майлыбаев, спасал собственную шкуру, продавал своих хозяев и, рассказывая следователю все, что знал, не забывал напомнить, что он чистосердечно раскаялся и дает показания добровольно.

Когда в кабинет следователя вошли генерал Байтоков и майор Бугенбаев, Наматханов повторял свои показания. Генерал был в штатском, но, увидев, как оба следователя встали и вытянулись, Якупов-Наматханов понял, что пришел какой-то высокий начальник, и весь внутренне напрягся. Ему показалось, что судьба его в руках этого человека. Генерал Байтоков, заметив, что Якупов-Наматханов повторяется, прервал его:

— Нет смысла повторять уже сказанное ранее. Все это уже известно. Предположим, что вам удалось добыть секретные данные об оборонных объектах. Но они не имели бы никакой ценности, если бы вы их держали при себе. Верно?

Якупов-Наматханов закивал головой.

— Кому вы должны их передать, когда и каким образом?

— Гражданин начальник, я не собрал никаких секретных данных. Видит бог... Все, что знал, я уже рассказал.

— Кому вы должны были передать сведения? Вы поняли мой вопрос? Отвечайте.

— Ко мне должен был прийти человек.

— Когда?

— Согласно инструкции, я должен собрать сведения, интересующие мое начальство, проехав по определенному маршруту, а потом сообщить об этом туда, за кордон.

— Человек, который должен встретиться с вами, появится оттуда или же проживает здесь?

— Этого я не знаю.

— Где должна произойти встреча?

— У центрального входа в парк культуры и отдыха.

— Как она должна произойти? По каким признакам вы узнаете друг друга?

— Он пройдет пятьдесят шагов по западной дорожке, ведущей к выходу, и посмотрит налево. Я в это время должен сидеть на скамейке напротив с развернутой газетой. Слева от меня должен лежать журнал. У человека, который должен встретиться со мной, будет зажата под мышкой папка. Проходя мимо меня, он должен закурить сигарету. Он дважды чиркнет спичкой о коробок. Она не зажжется. Выбросив пустую коробку, он подойдет ко мне со словами: «У вас есть спички?» Я должен ответить: «У курящего человека должны быть свои», — и протянуть ему спички. Он скажет тогда: «Магазин закрылся, и я не успел их купить». А я: «В нашем городе магазины открыты всегда». Так мы узнаем друг друга. Он, как бы по забывчивости, положит спички в свой карман, а мне отдаст другой коробок. В нем будет инструкция, как мне действовать дальше.

— А в какое время должна была произойти встреча?

— Когда мне давали задание, то учли, что здесь трудно устроиться. Еще подумали о времени, которое будет затрачено на выполнение задания по сбору данных об оборонных объектах и, конечно, на дорогу. На все это было отведено, примерно, месяцев семь-восемь.

Генерала Байтокова, кажется, озадачил столь продолжительный срок. Он переспросил:

— Вы не ошиблись? Семь-восемь месяцев?

— Да.

— Вот как! — генерал посмотрел на Бугенбаева. — Вы обратили внимание на то, что они не торопятся, готовы ждать семь-восемь месяцев? Странно, а?

— Гражданин начальник, сохраните мне жизнь! Аллах свидетель, я все рассказал.

Генерал, обращаясь к следователю Лесечко, сказал:

— Продолжайте допрос, — и быстро вышел. В коридоре он сказал Бугенбаеву. — Шеф Якупова-Наматханова хочет нас обмануть, дав агенту заранее безнадежное задание. Второй прислан с конкретным заданием и на короткий срок.

Через час в город Н. выехала оперативная группа, возглавляемая Бугенбаевым. В ее состав входили Бахытжан Алтаев и Талгат Майлыбаев.

10

Общий вагон многолюден. У самой двери на нижней полке сидят рядышком старая казашка и молодая русская женщина. Они запускают по очереди пальцы в трехлитровую банку, извлекая оттуда упругие малосольные огурчики, и едят их с черным хлебом, стряхивая на пол капли рассола.

В соседнем купе положение иное: хотя в общем вагоне все на виду, однако здесь сумели уединиться парень с девушкой. Они лежат на верхних полках головами к окну, друг против друга. И нет им дела до всего мира. Парень тихонько протянул руку и отвел газету — девушка делала вид, что читает. Девушка засмеялась, парень вздохнул.

— Скажите же хоть что-нибудь?

— Ну что вам сказать?

— Мы уже доехали почти, а вы так и не дали ответа. Если бы я мог надеяться хоть чуть-чуть, то сразу поговорил бы с родителями.

— Вы очень торопитесь.

На нижней полке молодуха кормила грудью младенца. Она услышала разговор юных и, словно вспомнив что-то радостное и веселое, рассмеялась.

На той же полке, где примостилась с краешка молодая мать, спал толстый казах с рябым лицом. Он причмокивал, сопел и присвистывал.

В соседнем купе четверка пассажиров резалась в преферанс.

— Ты будь доволен одной взяткой. В картах тебе не должно везти, иначе Сабиру не найдешь, — подшучивает кто-то из игроков.

В вагоне стоял шум, ровный, обволакивающий. Через эту пеструю сутолоку, неверно ступая, пробирался молодой человек. Он был пьян, рубашка на груди расстегнута, кепка надета козырьком назад. Поезд притормозил. Со стуком стали подталкивать друг друга вагоны. Потеряв равновесие, парень тяжело бухнулся прямо на спящего рябого толстяка.

— Астапыралла! Уж не крушение ли? — вскрикнул тот, испуганно оглядываясь по сторонам. Присмотревшись к парню, который никак не мог поднять с пола свою кепку, он воскликнул:

— Эй, батыр, это ты? Разве можно так людей пугать? Пьют, черти, словно умрут без этого!

— Пр... простите, аг-г-ай! — промычал Талгат, еле ворочая языком.

Многие в этом вагоне были жителями города Н. Они возвращались с торжества из дальнего района, куда ездили поздравлять своего земляка с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда. Талгату надо было пожить и поработать в этом городе. Решили, что ему лучше познакомиться кое с кем вот так, в дороге. Глядя на толстого пассажира, который не сводил с него глаз, он сказал:

— Про-простите, я не виноват, ей-богу! Если бы поезд не дернул, я бы и не упал. Это кочегар во всем виноват. Он и не подумал, что здесь человек может упасть. Значит, он меня не уважает. И не знал, что вы рассердитесь.

Девушка на верхней полке тихонько засмеялась:

— Почему же кочегар? Вы бы лучше сказали машинист. Кочегар ведь только огонь поддерживает в топке. В чем же его вина?

Талгат посмотрел наверх.

— Сестренка, если не будет огня, то как же эта телега поедет?

Девушка, обидевшись, прикрыла лицо газетой.

— Вот что, парень, ты, видать, немного выпил, так шел бы на свое место и проспался. Нечего к людям приставать! — сказал рябой.

— Вы говорите, немного выпил! Э-э, нет. Я выпил хорошо, сколько надо.

Кто-то из игроков поддержал рябого:

— И с какого горя надрался? Молодой же еще, а допился до свинского состояния.

— Чего вы к парню пристали? Выпил, перебрал немного, с кем не бывает? Сами-то вы безгрешные? Зачем же его на скандал вызывать? — сказала молодая мать. Талгат словно и не слышал ее слов, он поднялся с места, и, шатаясь, подошел к картежнику:

— С какого, говоришь, горя? Нет, вы не поймете. Разве ты знаешь, что такое любовь? Забыл? А я напомню! Это — кочегарка. Ух, все горит, пылает, спасу нет! Вот ее увидишь, запылаешь, уйдет Райхан, и сердце у тебя станет, как почерневшая головешка. Стоит ее увидеть — и все, пропала человеческая душа! На муки вечные, как мулла говорит. А она — цветочек аленький, браток. Сказка есть такая. Ну чего ты смеешься? Чего дразнишься? Я знаю, что ты трезвый, а не завидую. Тебе легко жить. Эх, ты! А она меня не любит. Хорошо, кто не знает моего горя.

Молодая женщина пожалела парня, такого смешного и глупого, несчастного и ласкового, как теленок. Ей было приятно, что жизнь оказалась не скудной на человеческие чувства, что есть любовь, которую глупые парни стараются залить водкой и плачутся в жилетку первому встречному, не понимая, что валяют свою любовь в грязи, низводят ее с небес в трясину.

Она недовольно посмотрела на картежника и, обращаясь к Талгату, сказала:

— Вы бы прилегли, отдохнули немного, — и она стала поправлять одеяло на соседней полке. Девушке на верхней полке все это казалось уморительно смешным: она так и не перестала хихикать. Молодая женщина мягко укорила ее:

— Еркежан, что с тобой, родная? Нехорошо.

Талгат послушно улегся. Видя, что девчонка не унимается, он показал ей язык и отвернулся к стенке.

На большой станции один из игроков вышел на перрон. В вагон он вернулся с новостью. В соседнем вагоне у кого-то чемодан украли.

— Когда?

Рябой вскочил с места, начал застегивать пуговицы на пиджаке.

— Вора поймали? Безобразие! Уже среди белого дня стали грабить.

Картежник поддержал рябого.

— От них и в поездах покоя нет.

— Где милиция? Куда она смотрит?

— А-а, они только акты могут составлять.

Эти слова услышала русская женщина. Она стала трясти за плечи старуху, которая успела сладко задремать:

— Ой, апа! Апа! В вагоне воры! Смотри за своим мешком, как бы не уперли.

— Что ты говоришь? — испугалась старуха.

Стала расспрашивать и сопоставлять, кто же был вором. Выяснилось, что вор и Талгат пили вместе водку в ресторане. Рябой бесцеремонно растолкал Талгата.

...Когда стало ясно, что Якупов-Наматханов не был единственным вражеским лазутчиком, было определено возможное направление второго шпиона, и по его следу посланы в разное время Бахытжан и Талгат, которые должны были встретиться в Н. Там их должен был ждать майор Бугенбаев. Пересаживаясь с поезда на поезд, Талгат очень устал. Потому он и уснул сразу, едва голова его коснулась подушки.

— А-а, так это был дружок этого щенка? Пусть он и найдет вора. Вставай, кому говорят! Ишь ты, глаза вытаращил! — Талгата схватили сильные руки и рывком поставили на ноги. Молодуха была недовольна действиями родственника.

— Чего вы к спящему человеку пристали? Чем он-то виноват?

— Я сам знаю, виноват он или нет. Не твоего ума дело. Не лезь! — он не сводил глаз с Талгата. — Где вор?

— Какой вор? — не понял Талгат.

— Ты посмотри на него! Агнец божий, безгрешный, ничего не ведающий. Где вор? Говори, мерзавец! — рябой обвел глазами окружающих и тряхнул Талгата.

— Убери руки! — гневно посмотрел на него Талгат. Освободившись от хватки рябого, он поправил одежду и сел. — Если вы считаете вора, укравшего чемодан, моим товарищем, то он и ваш друг в таком случае.

— Мой? — удивился рябой. — Как это мой?

— Да! Сначала тот парень сел за один столик с вами. Почему же вы его не знаете? Я подумал, что он ваш младший брат.

— Эй-эй, ты, парень, не вали с больной головы на здоровую.

— Вот как? Что же тогда вы мне-то его стали в друзья навязывать?

Картежник согласился с Талгатом.

— Нельзя так, товарищи. Мы ни за что ни про что можем оскорбить человека. Тот ворюга мог к каждому из нас подсаживаться. Кто же знал, что он вор?

Талгат снова прилег. Сон уже пропал. Он открыл глаза и встретился со взглядом молодухи, странным и волнующим. Она смутилась и стала укачивать ребенка.

11

Ночь. Поезд все еще в пути. Небо начинает бледнеть. На востоке пробивается едва видимый розовый свет, близится рассвет. В вагоне все угомонились, спят. Не спит один Черноносов. Он все еще сожалеет о неожиданной встрече у реки со старухой лесника. Теперь она, конечно, расскажет все чекистам и опишет его внешность. А тем не стоит особого труда составить его словесный портрет. Тогда он, считай, уже попал под наблюдение.

Об этом он раньше никогда не задумывался. И не предполагал, что его срочно забросят с важным заданием. Все получилось из-за собственной его глупости. Надо же было ему сказать, что он хорошо знает казахский язык! Он в разведшколе считался специалистом по Средней Азии. Вся эта напасть случилась, когда на занятия неожиданно пришел шеф. Он в то время рассказывал слушателям о казахских обычаях и традициях, об отличии их от соседних мусульманских народов — киргизов, узбеков. Черноносов чувствовал, что хозяев очень интересует Казахстан. Первую тропку в космосе Юрий Гагарин проложил с земли Байконура. Советская печать не делала тайны из того, что космические корабли приземляются на земле Караганды и Кустаная. В то время взгляды империалистических разведок были прикованы к Казахстану. Черноносов не удержался от соблазна похвастаться знанием этого края. Шеф спросил:

— Господин Скотников (там он числился под этой фамилией), вы каким языком азиатских народов владеете?

— С узбеком друг друга поймем, с казахом — договоримся, — отвечал «специалист».

— Это очень большое преимущество в наших условиях. Я высоко его ценю, — посмотрев на заместителя начальника разведшколы, он продолжил, — таких редких специалистов надо ценить, не препятствовать в продвижении по службе. Вы согласны со мной?

— Так точно, господин полковник. Скотников у нас на особом счету, — поспешил заверить низенький желчный майор. Черноносов был счастлив. Заметив его радость, шеф сказал:

— Зайдите ко мне, как только закончите занятия.

Черноносов с нетерпением ждал конца урока. Он был уверен, что шеф обласкает его еще больше и наградит чем-нибудь более существенным, нежели простая благодарность. Он надел лучший костюм. Зная, что постоянно потеет и от него несет кислятиной, Черноносов надушился, чтобы не вызвать отвращения у шефа. Он шел по коридорам и лестницам, предвкушая, как примет его шеф в своем огромном кабинете. Войдя в кабинет, он замер в растерянности. Там была темнота. Все смотрят какую-то хронику или иную ленту. Лица повернуты к экрану. Черноносов сначала не понял, что показывают. Но вдруг

он узнал себя в новенькой эсэсовской форме. Он неторопливо идет вдоль строя изможденных людей, выстроенных у рва, и стреляет в каждого пятого. Стреляет с холодной радостью, в упор... Молодая женщина с распущенными волосами и безумными, молящими глазами старается ладонью закрыть от пули ребенка.

— Стреляй в меня! Режь! Жги! Не тронь дитя! — беззвучно кричит она и тянется к палачу. Черноносов криво усмехается, поднимает пистолет, целясь прямо ребенку в лоб. Хлещет кровь. Везде кровь. На снегу, на подошвах, на руках...

Черноносов испугался. Он не любил, чтобы ему напоминали о прошлом. Кто-то, стоявший за его спиной, положил ему на плечи руки и насильно усадил в кресло. Он этого даже не заметил. Сейчас его тревожила одна мысль: зачем они вспоминают события, которым уже много лет. На душе стало тревожно. От страха и неизвестности начало подташнивать. Как-то неуверенно подумалось: «Шеф меня недостаточно хорошо знает. Он хочет своими глазами увидеть, как я ненавижу Советы, чтобы знать, за что меня награждать». Но вялая это была надежда. Показывают документы, хронику, эпизоды разных лет войны. Горит деревня. Чернеет виселица. Падают в снег босые и раздетые люди под автоматными очередями.

И тут раздался голос шефа:

— Довольно, выключайте.

Резко вспыхнул свет. Черноносов невольно прикрыл глаза. Шеф в темных очках повернулся к нему вместе с вертящимся креслом.

— Ваша биография достойна изучения. Знакомство с вашей жизнью вызовет несомненный интерес и никого не оставит равнодушным. Ни друга, ни врага... Я и сам поражен, если бы каждый прожил такую богатую событиями жизнь, он мог бы, не хвастая, сказать, что пожил не зря, — шеф достал из ящика стола пачку фотографий и протянул Черноносову. — Я специально пригласил вас, чтобы посоветоваться. Пожалуйста, посмотрите эти фотографии.

Черноносов стал внимательно просматривать снимки. Все они походили друг на друга. По верхней части фотографии проходит белая полоска. На конце черточки стрела. Кажется, фотографировали с большой высоты. Все детали видны отчетливо, но очень мелки.

Шеф, не спускавший глаз с Черноносова, сказал:

— Итак, что вы заметили?

— Сразу же бросаются в глаза горящие самолеты.

— Чем их сбили?

— Похоже, в них стреляли снарядами, но...

— Вы проницательны, господин Скотников. Это меня радует. Если верить снимкам, все так и есть.. Мы не знаем, но должны любой ценой узнать секрет этого оружия.

— Я понял вас, господин полковник.

— Когда мы вычислили координаты по данным спутника, то это оказался край, который называют Казахстаном. Примерно, вот здесь, — и полковник показал на карте окрестности города Н. — Нам нужен человек, хорошо знающий обычаи и традиции, язык коренного населения. Есть ли кто-нибудь, отвечающий этим требованиям, среди ваших учеников?

Черноносов напрягся, задумался.

— Задание не терпит нерешительных и колеблющихся, — и шеф поднял вверх указательный палец. — Оно опасно и связано с большим риском. Но человек, который выполнит это задание, сразу станет богатым. Мы на это дело не пожалеем денег.

— Если позволите...

— Хорошо подумайте, господин Скотников. Если вы не хотите, то мы вас не заставим. Вы и здесь человек нужный.

Но Черноносову не хотелось упускать возможность сразу разбогатеть.

— Я подумал, господин полковник. Я хорошо знаю язык. Думаю, это поможет моему возвращению.

— Желаю вам счастливой дороги. Сейчас вы можете отдохнуть. Подготовку к переброске возьмет на себя майор.

— Благодарю за доверие.

Когда Черноносов уже подходил к двери, его остановил голос шефа:

— Кстати, вы знаете трагедию одного из вождей русской контрреволюции Бориса Савинкова?

— Приходилось читать.

— Савинков был очень умный и опытный человек, но и он попался Дзержинскому на крючок. Вы не должны никому верить. Ни одному человеку. Только деньги никогда не подведут, всегда выручат и купят все. Верьте в силу денег. Поите, кормите, дарите, не жалейте.

— Спасибо за совет, господин полковник.

Так превратился Скотников в Черноносова...

На этой земле многое изменилось. В людях нет страха. Они полны достоинства, культуры и сильны, не косятся друг на друга, нет вражды между народами. Все кажутся людьми одной нации, а он-то считал это пропагандой. Ничего они не боятся в своей стране. Вот и в поезде — вон та русская молодуха, невестка старухи-казашки. Это Черноносов слышал своими ушами. Если бы не знакомство на станции с Зинаидой Рябовой, то ему нелегко было бы смешаться с этой толпой советских пассажиров. Сейчас она храпит на полке напротив. Он представился ей как Свинцов Аркадий Антонович. Ей, видно, понравился этот не старый, крепкий и такой щедрый и веселый мужчина. Девушке было надежно под защитой Черноносова-Скотникова-Свинцова. Она же — защита ему. Но все же есть сомнение, А сомнение, значит — опасность. Сразу же по приезде в город надо применить испытанный способ...

Зинаида потянулась, открыла глаза, посмотрела на Черноносова.

— Аркаша, ты чего не спишь?

— Да сон какой-то страшный приснился, я и проснулся.

— А ты не думай. В сны только старые бабки верят.

— Я тоже верю, Зина, — тихонько, вздохнул Свинцов, — Если я стану калекой, будешь меня любить?

— Я тебя всегда любить буду. Не говори бог знает чего. Лучше постарайся уснуть.

Свинцов закрыл глаза и притворился спящим.

12

Рано утром, сойдя с поезда, Талгат Майлыбаев сразу направился в областное управление госбезопасности. Там его уже ждал майор Бугенбаев. Завидев входящего Талгата, он встал и пошел ему навстречу с протянутой рукой:

— Ну, как дела, товарищ капитан? Дорога не очень утомила? Какие новости у тебя? — с дружеской улыбкой он обнял Талгата за плечи, усадил в кресло напротив.

Из Алма-Аты Талгат и Бахытжан выехали в разных направлениях. Алтаев взял курс на город А., а Талгат — на город С. Если Якупов-Наматханов был заброшен к нам не один, то его спутник-невидимка выберет одно из этих двух возможных направлений. Полагали, что дальше этих городов он не уйдет — его задание в Казахстане. Талгат сел на ташкентский поезд. На одной из небольших станций он сошел с него и пересел на другой. Жизнь в поездах отличается тем, что люди здесь легко знакомятся, заводят дружбу, не чуждаются друг друга и хлебосольно потчуют своих соседей разными дорожными яствами, делятся порой самым сокровенным и, не скрывая, рассказывают все о своей жизни. Здесь все становится общим — шутки, смех, чай. В пути Талгат не заметил человека, который бы сторонился других, вел себя настороженно. Люди едут семьями, со знакомыми и в одиночку. У каждого свои дела.

Талгат, смеясь, ответил на вопросы майора.

— Устал я не очень сильно, Насир Бугенбаевич, но особых новостей у меня нет. Это была обычная поездка в общем вагоне пассажирского поезда.

— Почему к вам пристал рябой казах? Что там у вас за скандал произошел?

Талгат засмеялся:

— Товарищ майор, я думал, что пришел к вам с поезда первым, оказывается, кто-то меня опередил.

— Перед вашим приходом я говорил с линейным отделением милиции. Когда я спросил про новости и происшествиях в поездах, мне доложили о вашей стычке с рябым. Видимо, с вами ехал кто-то из работников отделения. Что за кража? Чемодан и в самом деле пропал?

— Нет, никто его не воровал. Мне нужно было видеть реакцию пассажиров на весть о краже.

— Никто ничего не заподозрил?

— По-моему, нет, — Талгат задумался. — Я ничего не напортил, товарищ майор?

— Нет, все правильно. Вы ехали вместе с местными жителями. С ними вам еще придется встретиться, ведь у «пьяниц» есть такая черта — дружков заводить. После того, как я услышал о происшествии в вагоне, мне пришла в голову интересная мысль.

— Можно узнать, какая?

— Сначала ответь на мой вопрос, где работает твой сосед, рябой казах? Сумел это узнать?

— Я понял, что он является директором городского таксопарка.

— Значительное место. А как его зовут?

— Фамилия — Даулбаев, а зовут — Кайракбай.

Бугенбаев встал с места и подошел к окну. Потом прошелся по кабинету, присел на ручку кресла.

— Дорога, ведущая в райцентр Коктал, идет вдоль полигона. Скрыть, как снаряды в воздухе поражают цель, мы не в силах — издалека это очень хорошо видно. Самолеты снабжены специальными приборами, которые определяют, с какой силой ударил снаряд в самолет, как точно. Это давно не секрет. Есть такие специальные аппараты и на зарубежных самолетах. Но секреты у нас имеются, и мы должны их оберегать. А теперь я вам скажу про свою идею... Как вы смотрите на то, чтобы «поработать» под руководством Даулбаева.

— Я думаю, что шофер первого класса сумеет справиться с работой, — понимающе кивнул Талгат. — В любое время я смогу вас доставить в любую точку планеты, то бишь, района.

— Мы не будем приказывать Даулбаеву, чтобы он взял вас на работу. В маленьком городке все друг друга знают. Пойдут разговоры, а это нам совершенно не нужно. Может, вы сами найдете с ним общий язык?

— Он же меня пьянчугой считает!

— Сам-то он пьет?

— Я не видел, чтобы он пил, все переживал, что печень болит. Неважно, что-нибудь придумаем. Схожу к нему завтра с утра.

— Желаю удачи, — сказал Бугенбаев, провожая капитана до самой двери. — Я сегодня после обеда вылетаю в Коктюбе. Возможно, мне придется задержаться там на несколько дней. Думаю поговорить с лесником. Мы же еще ничего толком не знаем.

— Счастливого вам пути, товарищ майор!

Попрощавшись с Бугенбаевым, Талгат направился в гостиницу и стал готовиться к встрече с Даулбаевым.

На следующее утро ровно в девять он уже сидел перед дверью кабинета директора таксопарка, ожидая приема.

13

В вестибюле толпятся люди. Они берут у выходящих халаты и по очереди заходят в палату проведать Мырзаша — друзья и родственники лесника. Врачи до недавнего времени запрещали всякие свидания. Больной был в очень тяжелом состоянии и, конечно, надо было оградить его от шума и волнений. Лишь Калампур с сыном постоянно находилась у изголовья старика. Только три-четыре дня прошло с тех пор, как опасность миновала и Мырзаш пришел в себя. Он уже в состоянии был есть легкую пищу. Родные и близкие, которые не видели старика вот уже две недели, прослышав, что он пришел в

себя, двинулись в райцентр. Они-то и внесли столь неожиданное оживление в больничные покои. Завидев сестру, они понижали голос, разговаривали шепотом, а едва она скрывалась, как тут же забывали обо всем и продолжали громко делиться впечатлениями. Среди них были друзья — приятели Мырзаша, которые вместе с ним росли, вместе и старились. Под ногами вертелись многочисленные дети. Все были обеспокоены болезнью Мырзаша и явились выразить ему свое сочувствие. Здесь же стоял и майор Бугенбаев. Лечащий врач, с изумлением оглядев весь этот табор, только и сказал:

— Больной еще слаб. Много с ним не говорите, не мучайте расспросами. Если это условие будет нарушено, свидания придется прекратить.

— Ладно, доктор, мы понимаем, люди же. Пусть будет, как вы сказали. Мы его волновать не будем. Покажемся и выйдем, нам и это — радость, — прогудел кузнец Харитонов, подпиравший спиной дверной косяк.

Майор Бугенбаев отвел в сторону врача, чтобы поговорить без помех. Врач понимающе кивнул головой.

— Хорошо, — сказал он. И обратился к сестре: — Выдайте халат этому товарищу.

Когда Насир надевал белоснежный халат, врач предупредил его:

— Я могу разрешить вам свидание только на три минуты, больше его волновать не следует — больной слаб.

Оказывается, в палату успел пройти старый кузнец. Харитонов прошел прямо к койке Мырзаша, взял его истончавшую руку, свободно лежавшую на груди больного, осторожно пожал и загудел:

— Ты что ж это, друг, сплоховал? Какой-то кусочек свинца в постель тебя уложил. Твой предок Жилкайдар даже и не поморщился, когда в грудь ему копье вогнали, вот такое! Это был настоящий батыр. Эх, ты, дружок мой.

Мырзаш, посмеиваясь, наблюдал за Харитоновым. Видно было, что он рад приходу друга.

— Пашке, как ты сам? Дома все хорошо? — слабым голосом, задыхаясь, спросил он.

Харитонов прикрыл ему рот своей жесткой ладонью.

— Ты, козлиная борода, молчи! Ни звука не издавай, а то меня сейчас же выгонят. А здесь еще много народу своей очереди дожидается. Из-за меня их тоже могут не пустить, чуешь? Я уж сам найду, о чем говорить, а ты слухай. Мы все здесь, слава богу, живы-здоровы, куем коней, гнем железо. Недавно старшой со своей жинкой гостил. Он-то отдельно от нас жил-был. Как его ни тяни к себе, все одно «уеду да уеду», щенок этакий. Ну, думаю, коли таково желание, пущай едет. И отправил их к дядьке, к братану моему.

— Где бы ни был, лишь бы здоров был. Это нам радость, — проговорил Мырзаш.

Калампур была рада приходу кузнеца. Она вмешалась в разговор:

— Старший сын Пашке, мужик хоть куда! Мы-то мучались, не могли чаю согреть, когда плитка испортилась, так он, дай бог ему здоровья, мигом ее исправил.

Харитонов очень удивился. С Мырзашем он шутил, как хотел, но за старухой склонности к шуткам не замечал. «О чем это она?».

— Апа, ты о каком сыне говоришь?

— О том самом, у которого родинка на подбородке.

— С родинкой, апа?

Харитонов не знал, что и сказать. Он подумал, что старуха переутомилась за эти дни.

— Байбише, я рад, что увидел Мырзаша выздоравливающим. Слава богу, все хорошо! Ты теперь не торчи на его глазах, а возвращайся домой, отдохни, да и внучата, поди, заскучали, — сказал он.

— А я передавала в аул, чтобы привезли сюда моего Айдара. Сегодня невестка сама привезет. Пока старик не встанет на ноги, мы здесь поживем. Лучше ты иди домой да вели самовар ставить.

— Байбише, чай у нас всегда на столе. Я на днях у Сатпакова десять пачек чаю купил, для вас с Мырзашем берегу.

Мырзаш повернулся к Калампур:

— Я уже вполне хорош, старая. Даст бог, дня через два-три встану на ноги. Не бойся. Отдохни, приди в себя, — сказал он с теплотой.

Калампур привыкла слушаться мужа. Молча поднялась, сознавая справедливость его слов. Когда в палату вошел майор Бугенбаев, кузнец и жена Мырзаша уже направлялись к дому Харитонова.

Дом кузнеца был недалеко от больницы. Войдя в дом, Калампур почувствовала запах паленого. Черная шкура только что освежеванного барана висела во дворе. В большом казане варилось мясо. Старый кузнец, оказывается, пригласил на обед всех приехавших из аула родственников друга. В одной из комнат были расстелены ковровые кошмы и одеяла. Старик постоянно держал эту комнату прибранной по-казахски. Вскоре стали собираться в дом гости. Был расстелен дастархан, разнесся острый, возбуждающий аромат крепкого кумыса. Харитонов присел рядом с Калампур. Ухаживая за гостьей, он сам наполнял чаши и подавал ей кумыс. Когда гости утолили первую жажду, хозяин придвинулся к Калампур:

— Байбише, ты говорила, что видела моего сына. Как же он оказался в вашем ауле?

Бекен, который лежал рядом, облокотившись на пуховую подушку, быстро поднял голову и посмотрел на мать:

— О ком это ты говоришь, апа?

— О ком же, как не о сыне Пашке? — в свою очередь удивилась старуха. — Я-то старшего твоего не знаю. Вот только младшенького, рыжика. В тот день Бекен-жан не пришел домой обедать. Пришлось мне самой идти к реке за водой. А у речки, вижу, кто-то дюжий стоит. Я и так, и этак его стала рассматривать, да не признала. Спросила самого, а он мастером оказался, все починить может. Ну я тогда говорю: «Ты, наверное, сын Пашке?» А он засмеялся, вроде обрадовался, что я его узнала. «Да, я его сын», — говорит. И Калампур рассказала о своей встрече с Черноносовым.

— Нет, это не наш Костя. Не мог он там быть, но кто же, кто? — покачал головой Харитонов. — Наш-то парень в Темиртау. Я их в тот день как раз на поезд провожал. Байбише, вы кого-то другого видели.

Калампур прикусила губу:

— Так зачем ему было обманывать меня?

— Если не Костя, кто это мог быть? — посмотрел Бекен на старого кузнеца.

— Я и сам удивляюсь.

Бекен быстро встал с места.

— Ты куда это, сынок? — спросила Калампур.

— Я сейчас вернусь, — и он выскочил за дверь...

В тот же вечер майор Бугенбаев, Калампур и Бекен вылетели в город Н. Туда же прибыла и группа экспертов и других специалистов. По описанию Калампур был создан словесный портрет неизвестного. Рисунки были показаны Калампур. Она сказала: «Здесь у вас лоб вышел не таким и губы — они опущены. Нет, не похоже», — и отодвинулась в сторону, выражая недовольство. Калампур хорошо запомнила Черноносова, но описать точно не сумела. «Голубоглазый, рыжеватый, с родинкой на подбородке», — больше ничего нового добавить не могла. Сделали цветные портреты. Когда ей показали она выбрала один из всех:

— Вот этот немного похож. Только рисуйте его не с такими круглыми глазами и брови не так высоко.

Талгата в те дни не было в городе. Он возил директора таксопарка в Коктал. Недавно между Кокталом и Н. открылся новый маршрут такси. Познакомиться с трассой и стоянкой такси в Коктале и ездил Даулбаев. «Дорога не близкая, надо ехать на надежной машине, чтобы не застрять в пути», — сказал он и выбрал машину Талгата. Вернулись они через неделю. Когда Талгат позвонил из автомата, майор Бугенбаев сказал:

— Мы обязательно должны встретиться.

— Где?

— Ты еще не поставил машину в гараж? Тогда я буду ждать тебя возле памятника Дзержинскому.

Через двадцать минут они оба уже сидели в машине. После короткого приветствия майор, спросил:

— Как съездили? Долго вас не было.

— В районе нашлись дела. Пришлось объездить все населенные пункты, куда только можно было добраться на машине. Я сказал директору, что незачем мне знать эти поселки, мол, я дальше района не поеду, но он резонно ответил, что директор должен знать все возможные пункты, куда могут зайти его машины: «Завтра, скажем, шофер заявит, что застрял где-то, я должен знать где, и можно ли там застрять, а не сидеть, развесив уши. Или же вам нужно отвезти пассажира в какое-нибудь село — жена, положим, беременная. Вы должны доставить таких пассажиров к самому дому. Не положено? Прежде всего положено думать о людях, заботиться о них. Вот тебе и вся инструкция», — словом, начал вспоминать все случаи, которые имели место в парке. Я, пожалуй, рад был слышать эти слова от него. Неплохой он, в общем, человек.

— Мы нашли условный портрет другого диверсанта, — и майор протянул Талгату портрет, составленный по словам Калампур.

Талгат остановил машину у обочины. Внимательно рассмотрел портрет.

— Кто это?

— Это пока загадка для нас. — И майор Бугенбаев рассказал ему обо всем.

Вдоль улицы шли запоздалые прохожие.

— Генерал прав, — сказал майор, когда машина тронулась, — агент был не один. Я сначала этому не очень поверил. Вот, оказывается, что значит интуиция.

— Где вы советуете искать этого человека?

— Агент постарается приблизиться к цели своего задания. Если ему, а это скорей всего, поручено узнать что-то о полигоне, его надо искать поблизости.

— Этот портрет составлен только по описанию старухи? Мне кажется, я видел человека, похожего на него.

— Где?

Талгат покачал головой:

— Не припомню.

— Может, кто из твоих пассажиров, которых ты возил в Коктал? — стал помогать ему вспоминать майор. — Или в городе встречал? Вспомни, это очень важно.

— Устал, наверное, не могу. Голова гудит. Я вам позвоню, если вспомню.

— Я буду ждать, — и майор вышел из машины.

Талгат поехал прямо в гараж.

14

Случилось так, что Черноносов-Свинцов совершенно случайно познакомился с заведующим складом Глиновым. Его новая знакомая Зинаида жила вместе с матерью. Таисия Каменовна долгие годы проработала на обувной фабрике. Она была убеждена, что нет ничего лучше труда, и с этой меркой подходила ко всякому человеку. После того как Зина окончила восьмилетку, мать посоветовала ей идти в профессионально-техническое училище. Успешно завершив учебу и приобретя хорошую специальность, Зина стала работать в одном цехе с матерью. Освоить смежные специальности ей помогали товарищи по работе. Мать говорила, что если человек знает только свою специальность, то это еще не специалист. Вскоре Зина получила уже шестой разряд. Ее послали на совещание передовиков производства в Ленинград. А когда она вернулась, то привела с собой в дом какого-то мужчину. После обеда, убирая тарелки, Таисия Каменовна спросила у дочери:

— Кто это, дочка?

Зинаида солгала:

— Мама, мы с Аркашей познакомились в Ленинграде на совещании. После совещания я пригласила его к нам в гости. Он очень добрый и чуткий человек. Отпуск у него, вот и приехал.

— А где он работает?

— Как и я, на обувной фабрике. Он механик. Специалист по моторам.

Зинаида лгала вдохновенно, прекрасно зная, что мать ее в технике слаба, что не станет дотошно выпытывать то, чего не знает сама. Гостя не выгонишь. Первые дни Черноносов жил у Рябовых. Днем он никуда не выходил — сначала ссылался на дорожную усталость, а потом стал говорить, что без Зины ему скучно гулять. Этим он дал понять матери о своих серьезных намерениях в отношении Зины. Девушка стала невнимательной на работе, старалась побыстрей закончить свое дело, чтобы бежать домой. Мать, заметив поведение дочери, вздыхала огорченно:

— Ты, Зина, если любишь его, то выходи замуж. Я возражать не буду. Ты уже и сама взрослая. Но твое поведение, прямо скажу, мне не по душе. Ни к работе, ни к людям, ни к себе так относиться нельзя.

Но дело пока не двигалось, Черноносов только целовал ее крепко, говорил о любви, а о женитьбе и не заикался. Тогда Зина сама сказала ему:

— Неужели так и будем с тобой прятаться от людей? Найди какой-нибудь выход.

Черноносов обнял ее и поцеловал, словно укусил:

— Мне не нужно иной жены, кроме тебя, радость моя! Но у меня, как и у тебя, есть старая мать. Надо бы и ей сообщить да получить благословение.

Зина понимала правоту его слов и больше не заводила пока разговоров о свадьбе. Матери же она сказала:

— Чтобы узнать человека, нужно съесть с ним пуд соли. Мы только недавно познакомились, а ведь мне жить с этим человеком. Не торопи меня, пожалуйста.

— Если ты не знаешь его, то зачем вешаешься ему на шею? — с обидой сказала Таисия Каменовна. — Что это за разговоры? Живет в доме мужчина, а кто он такой? Муж не муж, брат не брат.

Черноносов догадывался об этих разговорах. Он, конечно, не мог прямо сейчас устроить свадьбу, пригласить множество чужих людей. Люди станут интересоваться, кто же жених Зинаиды, и можно захлопнуть мышеловку самому. Но и жить больше в этом доме было нельзя. Он бы давно ушел, но сейчас боится открыто показаться на улице. Его могут в любую минуту схватить. Что же делать? Таисия Каменовна любит жареную рыбу. Что, если добавить в ее тарелку яд? Тогда они с Зиной могли бы жить спокойно. Но это легко раскроют эксперты, и тогда снова потянется нить, которая может захлестнуться на его горле.

Выхода, казалось, не было. Но его выручила Зина. Когда она пришла с работы, Аркадий лежал на кровати, положив ладони под голову. Швырнув платок на спинку стула, она подбежала к Черноносову и обняла его. Он поцеловал ее, погладил волосы.

— Не знаю, что и делать, Зинуля. Надо мне уходить от вас, сам понимаю, да только без тебя не смогу. Нельзя нам с тобой расставаться. Целыми днями места себе не нахожу, жду, когда придешь с работы. Что делать?

— Мы будем вместе, Аркаша, — и Зина зашептала на ухо Черноносову. — Я нашла здесь квартиру для тебя. Хозяин живет один. У него сейчас крайняя нужда в деньгах. Когда я спросила его о комнате, он сказал, что пустит, если только ему заплатят за год вперед. Я и дом осмотрела. Комнаты хорошие, светлые и отдельные.

Черноносов обнял девушку и прижал к груди. Они целовались, забыв обо всем на свете, когда вернулась с базара Таисия Каменовна с продуктами. Увидев дочь в обнимку с гостем, она нахмурилась:

— Зина, ты почему не на работе?

— Ах, мама, не сердись, пожалуйста. Завтра Аркаша уезжает, я специально отпросилась с работы. Надо же собрать гостя в дорогу, — сказала она. — Было бы хорошо, мама, если бы ты приготовила что-нибудь вкусненькое, скажем, мясо по-казахски. Аркадий и не знает, что это такое.

— Когда вы уезжаете? — сухо спросила Таисия Каменовна у Черноносова.

— С ранним московским поездом. Мать у меня старушка уже. Я с ней сегодня переговорил по телефону. Скучает. Надо ехать. Поговорю с ней и вернусь к Зине. Я не обижу вас, Таисия Каменовна, я люблю вашу дочь и не хочу, чтобы у вас осталось ко мне

плохое чувство. А мать без внимания оставлять не годится. Если мать обидеть, то и самому счастья не видать.

Таисия Каменовна немного смягчилась, и Зина поняла, что скоро они будут вместе, будут счастливы.

Еще не рассвело, Черноносов с Зиной стали собираться «на поезд». Не прошло и полчаса, как они уже входили в дом Глинова.

С тех пор прошло две недели. Черноносов живет у Глинова. Тот работает заведующим продовольственным складом. На недавней неожиданной ревизии обнаружилась недостача в три тысячи рублей. Поэтому сейчас хозяину нужны деньги. Когда зашел разговор о квартирной плате, Черноносов заметил алчный блеск в глазах Глинова и нарочно достал из кармана несколько крупных ассигнаций.

— Значит, за год двести рублей? Получите! — и он небрежно кинул на стол одну пачку, на которой стояла сумма «500». Это произвело впечатление.

— Здесь... больше, — насилуя себя, выдавил Глинов, а рука сама потянулась за деньгами.

— Отсчитайте, сколько вам положено, — сказал Черноносов, сделав вид, что не заметил его дрожащих рук и побледневшего лица.

Когда Зина ушла, Глинов засуетился, стал накрывать на стол. Он нарезал толстыми ломтями колбасу, достал водку. Ему очень хотелось уважить такого квартиранта, богатого и, видимо, не знающего цену деньгам. Людей с толстыми кошельками он уважал больше, чем бога, ибо вряд ли у бога был сейф с валютой.

— Ты сегодня мой гость, — сказал он, открывая вторую бутылку. — Трудно говорить о своей беде незнакомому человеку, но вот гляжу на тебя, и кажется мне, что мы с тобой давно дружим. Есть люди, которым сразу веришь. Ты такой. Надеюсь крепко, что выручишь ты меня из беды.

Черноносов понял, что ради этого разговора затеял угощение Глинов.

— Помогать ближнему — наш долг, Сидор Найденович. Вот только смогу ли я помочь вам?

— Если бы не мог, я бы и не стал говорить, Аркадий Антонович. Мне сейчас очень нужны деньги... Вот так, — и он провел ребром ладони по горлу, — а у тебя, я вижу, деньги есть.

— Чужие деньги считать легко. Я несколько лет копил их на машину. И очередь уже подошла. Могу ссудить, если ненадолго, — и, желая узнать сумму, спросил:

— Сколько вам нужно?

— Три тысячи.

— Три тысячи? Да зачем вам столько денег?

— Аркадий Антонович, я верю, что ты человек порядочный и тебе можно довериться — сумеешь молчать, — вздохнул Глинов. — Сам знаешь, у нас черной икорки днем с огнем не сыщешь. Я, понимаешь, отправил в одно место сто пятьдесят килограммов, а тут неожиданно ревизия нагрянула.

Черноносов, который достал было из кармана пачку денег, спрятал ее снова. Глинов следил за каждым его движением и сразу сник:

— Боишься, что не верну? Я через неделю верну, верь. Мне бы только из этой ревизии вылезти.

— Прости, Сидор Найденович, но, сам понимаешь, такую сумму отдать человеку не просто. Я много лет копил по рублику.

— Понимаю, Аркадий Антонович, мне тоже нелегко просить у незнакомого почти человека. Но другого выхода у меня нет. Я тебе расписку дам.

Черноносов задумался.

— Хорошо, пишите.

Черноносов вслух прочитал расписку Глинова, которую тот поспешно написал тут же на уголке стола:

«Я взял в долг у гражданина Свинцова деньги в сумме три тысячи рублей»...

— Сидор Найденович, да разве бывают такие расписки? Это нечестно. Ты не обременен большой семьей, у тебя есть хороший дом, пить-есть довольно. Кто же поверит, что ты брал три тысячи? Если тебе нужны деньги по-настоящему, то ты изволь написать, с какой целью ты их берешь. Тогда и я буду спокоен.

На Глинова словно ушат холодной воды вылили.

— Чтобы ты потом написал обо всем прокурору?

— Зачем же мне доносить и терять свои деньги?

— Хорошо, согласен.

...Глинов и не думал возвращать долг, хотя прошло уже больше двух недель. Он даже не заикался об этих деньгах. Не спрашивал о них и Черноносов. Глинов обычно возвращался с работы поздно. Ссылаясь на крайнюю усталость, он, пройдя в свою комнату, больше оттуда не выходил. Но сегодня он явился рано. Под мышкой хозяин зажал бутылку коньяка, в руке была банка черной икры.

— Аркадий Антонович, специально для вас раздобыл армянский коньяк. Да еще посмотрите какой! Давно мы с вами не сидели по-человечески, работа замучила.

Черноносов, заподозрив неладное, стал следить за каждым движением, за каждым жестом Глинова. Когда хозяин накрывал на стол, Черноносов спросил:

— Что-то я не вижу хозяйки. В гости, что ли, уехала?

О том, что жена Глинова умерла, ему сказала Зина. Спросил специально.

— Жена? Эх, добрая была душа! Так ведь смерть за каждым из нас ходит. Умерла, прожила все, что было ей отпущено.

— Давно?

— Больше месяца прошло. Сейчас ведь жаркое время. Она и отравилась испорченными консервами. Так и не выжила, бедняга.

Черноносов усмехнулся.

— Надеюсь, ты не станешь сейчас потчевать гостя такими консервами?

Глинов побледнел, ошарашенно посмотрел на жильца. Промолчал.

Когда он разливал коньяк, руки у него дрожали. Черноносов после первых же рюмок притворился пьяным. Голова его падала на грудь, глаза слипались. Раза два он ударился головой об стол. Глинов вышел в столовую, чтобы сполоснуть стакан, в который попала муха. Налив в этот стакан коньяку, он поставил его перед Черноносовым.

— Аркадий Антонович, давай выпьем за наше здоровье! — засмеялся он, поднимая стакан. Черноносов быстро вскочил на ноги, выхватил у него стакан и подал ему свой.

— Мы с тобой друзья. Раз мы пьем с тобой за здоровье, то давай поменяемся. — И он сжал задрожавшую руку Глинова. — Что? Не хочешь так? Пей!

Глинов пытался от бросить стакан, но сильная рука Черноносова помешала ему. Он так скрутил его, что Глинов согнулся от боли.

— Значит, не будешь пить? Так? — Черноносов вырвал у него стакан и несколько раз сильно ударил Глинова. Тот покатился вместе со стулом. Он, кажется, потерял сознание. Лежал и молчал, только смотрел ошеломленно. Черноносов поднес коньяк к его губам.

— Пей!

Глинов локтем выбил стакан и с жалобным видом поднял руки. Черноносов с размаху пнул его. Схватившись за живот, Глинов завыл. Черноносов схватил его за ворот, поднял и посадил на стул.

— Мало тебе того, что государство обворовываешь, так ты еще и на убийство пошел? Ну, теперь от меня не жди хорошего. Я твою расписочку доставлю прямо к прокурору. Ты знаешь, сволочь, где раки зимуют!

— Аркадий Антонович, прости! Рабом твоим буду, собакой! Все, что скажешь, выполню! Только не выдавая меня! Хочешь, я и дом, и все, что у меня есть, тебе отпишу? Пожалей бедного старика!

— Я ни одному твоему слову не верю. Ведь ты вон как отблагодарил человека, который тебя от тюрьмы спас. — Черноносов. дал ему бумагу и ручку. — На, пиши! «Я, заведующий центральным складом Глинов С. Н., взял у гражданина Свинцова три тысячи

рублей, чтобы покрыть растрату. Мне не хотелось возвращать этот долг, и я решил его отравить. Я подсыпал ему яд...»

Глинов отбросил ручку.

— Прости мою глупость. Я и без письма выполню все твои приказания. Клянусь богом!

— Пиши! Или сейчас же пойду в милицию. Выбирай! — Черноносов встал с места.

— Давай! — И Глинов послушно написал все, что велел жилец. Черноносов положил бумагу в карман:

— И ты меня прости, Сидор Найденович! Если и причинил тебе кое-какую неприятность, то уж для своего спасения старался. Выхода не было. Теперь, если и умру я своей смертью, то ни одна собака этому не поверит. В тот же час и тебе крышка. Посадят. Я твои расписочки в конверт запрячу и передам верному человеку с просьбой вскрыть после моей смерти. Ты и сам знаешь, что за убийство тебя будет ждать расстрел. Теперь наши судьбы одной веревочкой связаны. День моей смерти можешь считать и своим последним днем. Запомни это накрепко и ни на минуту не забывай.

Глинов молча встал и поплелся в свою комнату. На следующий день он не пошел на работу. Не показывался на глаза и жильцу. Только в воскресенье Черноносов застал хозяина на рассвете сидящим на крыльце своего дома. Видно было, что он курил непрерывно — вокруг было раскидано множество окурков. Раньше Черноносов не замечал, чтобы Глинов курил. Он обнял хозяина за плечи, присел рядом.

— Закурим? — Свинцов вынул папиросу из пачки «Беломора», лежавшей на влажных досках крыльца.

Глинов не поднял головы. Черноносов глянул на него искоса:

— Да, браток, жизнь прожить — не поле перейти. Много в ней ухабов и острых углов. И все же нам нечего обижаться на судьбу. Сегодня выходной, стоит ли сидеть зря? Беру на себя расходы на угощение, — и он сунул сто рублей в вялую руку Глинова. — Ты сходи на базар да принеси свежего мяса. Может, Зина подойдет, так она нам пельмешек сварит. По пути заглянешь в магазин, выпить что-нибудь прихвати. А я пока яблок нарву.

— Зачем нам магазин? Дома же есть выпивка.

— Тогда считай, что ты уже купил спиртное, — Черноносов слегка пожал его руку, словно приказывая положить деньги в карман. Глинов улыбнулся, глядя в лицо квартиранта. Деньги неизменно приводили его в хорошее расположение духа.

Вернувшись с базара, он не поверил своим глазам. Крыльцо и все вокруг было в крови. Черноносов лежал на пороге. Вид у него был ужасающим. Все лицо разбито. Казалось, правый глаз был серьезно поврежден — совсем заплыл.

— Аркадий Антонович, вы живы? Что с вами? — Глинов присел на корточки и приподнял голову раненого. Черноносов застонал, дышал с трудом.

— Боже мой! Теперь скажут, что я его убил! — Глинов поднял лицо к небу. — Надо срочно вызвать врача. Потерпи немного. Я мигом!

У самой двери Глинова остановил холодный голос:

— Стой! Ты куда?

Глинов испуганно обернулся и увидел, что Черноносов поднял голову.

— Не надо врача! Есть у тебя йод или спирт? Промоешь сам и перебинтуешь.

Заметив удивление Глинова, он сказал:

— Сегодня воскресенье. Потом вызовешь.

Зина пришла около десяти. Через бинты Черноносова просачивалась кровь. Левая рука была на перевязи.

— Аркаша! Что с тобой, родной?

Глинов объяснил ей все:

— Я уходил на базар. Он за яблоками полез, а лестница старая — перекладины прогнили. Вот он и упал, поранился.

Черноносов заговорил со стоном:

— Зина, ты пришла, милая? А у меня, видишь, несчастный случай! Теперь меня дети станут пугаться.

Зина заплакала, прижавшись к его груди.

Уже прошло больше месяца, как Талгат работал в таксопарке. Майор Бугенбаев сказал о необходимости поездки в район. Бахытжан Алтаев был в Коктале. Во время сенокоса и хлебоуборки в Коктал съезжается множество народа для оказания помощи. Тогда здесь полно солдат и студентов. В центре есть большая столовая. Здесь, в основном, и питаются приезжие. На горячий сезон в столовую брали помощников. Бахытжан устроился там. Телефонная связь с районом была прервана, и майор Бугенбаев не получал оттуда никаких известий. Кроме того, имелось задание, которое надо было поручить Бахытжану лично. Талгат хотел найти предлог отпроситься в Коктал. Майор не согласился — какие могут быть дела у шофера так далеко, за целых триста километров? Ни родственников, ни друзей у него там не было. А ехать через голую степь нелегко, не каждый согласится отправиться туда. Если Талгат будет сам навязываться, то это даст повод для излишних разговоров. Но вскоре подвернулся удобный случай — нашлись пассажиры в Коктал.

Пассажирами оказались две русские женщины-врачи и с ними девушка-казашка. На груди у нее лежала толстая коса. Настоящая красавица, чернобровая, со жгучими глазами. На щеках играл румянец. Талгат узнал девушку, она ехала с ним в поезде. Он помнил ее веселый, задорный смех. Знал, что ее зовут Алтыншаш. Талгату пришла в голову мысль, что пьяный мог и забыть случайных попутчиков, и он поспешил отвернуться. Алтыншаш, не сводя с него глаз, чуть заметно усмехнулась. Талгат этого не заметил, сделал вид, что разговаривает с Кайракбаем:

— Кайреке, я никогда не отказывался, от работы. Поеду, куда вы пошлете. Это я просто, по шоферской привычке, бурчал.

Вскоре они уже выехали на дорогу, ведущую в Коктал. Дорога была долгой, день — жаркий. Две женщины заняли заднее сидение, Алтыншаш села рядом с Талгатом. По дороге Талгат разузнал о женщинах все. Та, что была толстой и рыжей, приехала из Алма-Аты, кажется, она работает в министерстве здравоохранения. Худощавая женщина, сидевшая рядом, была местной жительницей — врач областной детской больницы. Ей поручили сопровождать гостью. Он знал, что Алтыншаш учится в мединституте и сейчас находится на практике. Но он все же спросил:

— Вы тоже врач?

— Только учусь.

— Через год она станет дипломированным специалистом, — сказала работник министерства.

— Вы узнали о нас много, о себе не хотите рассказать. Кто вы? Давно машину водите? — загадочно улыбаясь, сказала Алтыншаш. — А какая ваша основная профессия?

Талгата смутил прямой вопрос о профессии, но он громко расхохотался:

— С тех пор, как начал работать, одна у меня профессия.

— Вы меня и в самом деле не узнали?

— Хоть и не был с вами знаком раньше, но не могу сказать, что не видел такой красавицы совсем.

Алтыншаш покраснела. Интересный разговор прервался сам собой, когда машина вышла на прямую дорогу, проложенную в невеселой степи. Каждый, думал о чем-то своем или тихо дремал. Солнце уже клонилось к закату, когда показались вдали заводские трубы, элеватор и синие деревья.

— Вот и Коктал, — сказал Талгат. Женщины завозились, стали смотреть вперед, вытягивая шеи. Теперь Алтыншаш скосила глаза и спросила:

— Мы ехали с вами в одном вагоне, помните? Вас тогда здорово шатало из стороны в сторону. Я очень смеялась. Хотите знать, почему я смеялась? Потому что вы не были пьяны.

— Как вам удалось это узнать?

— У пьяного глаза мутные, подернуты какой-то слизью, а у вас были смеющиеся глаза и очень трезвые.

— Я, видимо, протрезвел, когда вас увидел, — попытался обернуть Талгат этот опасный разговор в шутку. «Эх, неуклюже сработал. Молодая девушка заметила мою игру, а

опытный враг сразу бы разоблачил. Надо обратить внимание на это, научиться работать тоньше», — подумал он.

Алтыншаш сказала:

— Хоть вы узнали многое за короткое время, вы это сделали не просто из любопытства. Итак, вы утверждаете что вы шофер?

— Вы слишком высокого мнения обо мне. Благодарю! Но вы говорите загадками, малопонятно.

— Не забывайте, что я будущий врач-психиатр.

— Среди нас, шоферов, редко встречаются психически больные. — Талгат поправил зеркало так, чтобы видно было в нем девушку. — Вы сомневаетесь в моей профессии? Да разве стал бы я мучиться по такой жаре, если бы имел за душой что-нибудь получше? Но я благодарен вам за то, что вы были откровенны, и из вежливости согласен со всем, что вы тут наговорили.

Скоро машина уже въезжала на окраину поселка. У самого въезда в толпе стоял Бахытжан. Он издали узнал машину Талгата, бросился за ней, схватился за ручку дверцы. Машина немного проехала и остановилась.

— Эй, парень, ты что, очумел?! Хочешь дверь вырвать?

Бахытжан, увидев Талгата, очень обрадовался. Радости своей он был не в силах скрыть.

— Жена у друга родила. На автобус я не успел. Да здесь ведь всего-навсего шесть километров. Будь другом, подвези.

— Ты же видишь, у меня пассажиры. Ничего сделать не могу.

Алтыншаш, видя радостное состояние Бахытжана, сказала Талгату:

— За друга можно и порадоваться. Мы сейчас сойдем возле гостиницы. Если вы не очень устали, отвезите товарища.

Талгат кивнул головой, разрешая садиться. Он вез Бахытжану одну из фотографий портрета, сделанного со слов Калампур. То ли он вспомнил об этом обстоятельстве, то ли слова девушки навели его на мысль, но он вдруг отчетливо осознал, что видел этого человека в поезде. Сошли она вместе. Талгат не смог сдержать волнения.

— Ну и золотая вы девушка, Алтыншаш! — воскликнул он, пожимая ей руку. Алтыншаш покраснела и вырвала руку. Талгат, ребячась запел:

Спасибо, аист,
Спасибо, птица...

Алтыншаш удивилась такому бурному проявлению радости, не сводила с Талгата глаз. У самой гостиницы она сказала:

— До свидания, загадочный человек!

Талгат думал раньше задержаться в Коктале дня на два, чтобы выяснить положение на месте. Хотел встретиться кое с кем. Но теперь он не стал медлить, а отправился в тот же день обратно.

Насир остановился не в гостинице, а на частной квартире. Оставив машину на улице, Талгат вошел во двор, в окне Насира горел свет. Постучал.

— Кто там? — спросил спокойный голос.

— Вы такси вызывали?

Насир открыл дверь. Обняв Талгата за плечи, он ввел его в комнату.

— Вы быстро вернулись. Что-нибудь случилось?

— Вспомнил я того, проклятого! — и Талгат рассказал, где он видел человека, который был на фотографии.

— Итак, он в этом городе?

— Я сам видел, как он сошел с поезда.

— Один?

— С ним была молодая женщина.

— Как она выглядит?

— Не помню. Ей, примерно, лет двадцать пять. Светловолосая. Но человек, которого видел я, не похож на этого. Тому уже за сорок и лицо у него грубое, словно вырубленное топором. Может, поэтому я и не вспомнил сразу.

— Опиши его подробно, — майор протянул Талгату лист бумаги.

Вскоре был готов новый портрет, сделанный с помощью Талгата. Захватив фотографии, Насир вылетел в пограничный район. Мырзаш, оказывается, выписался и уехал домой, в колхоз «Алга», и поставил юрту у подножья Коктюбе. В доме он жил только зимой. В юрте было множество ковров, гора пуховых одеял, расстелены богатые кошмы с темными узорами «рога архара». Пестрели текеметы, отливал тяжелым блеском шелк покрывал. Сам хозяин лежал на почетном месте, подложив под локоть подушки, и попивал чай. Увидев входящего Насира, и он и Калампур обрадованно вскочили на ноги.

— Это же давешний мальчик, — сказала Калампур.

— Проходи, сынок, будь гостем, — отозвался старик. — В доме все живы-здоровы? Здоров ли скот? Когда же ты приехал сюда? — он пожал майору руку и усадил рядом с собой.

— Только что приехал, аксакал. Сейчас с автобуса.

Калампур стала взбалтывать в сабе крепкий кумыс, разлила по пиалам. Это был очень вкусный кумыс, без острого кислого привкуса, которого не любил Насир. Майор с наслаждением выпил две пиалы. Когда гость утолил жажду, Мырзаш коротко приказал Калампур:

— Жена, где Бекен? Пусть едет в отару. А ты засветло приготовь дрова и воду.

В большом котле варилось мясо. Насир стал возражать против того, чтобы хозяева резали барана, но Мырзаш на согласился:

— Что ты говоришь, сынок? Ты же гость. А мы еще на разучились гостей принимать. Это еще от предков перешло, не к лицу нам нарушать священный обычай гостеприимства. Казахи еще не разорялись от того, что привечали гостя.

Вскоре был доставлен из отары черный баран, разделан со всеми обязательными церемониями, и мясо уже булькало в котле.

В этот вечер Насир не стал говорить о деле. В юрту набралось много народа, приезжали люди с соседних летовок, спускались с гор. Поговорили о деле лишь утром, перед самым отъездом. Когда Насир разложил перед Калампур несколько фотографий, она не колеблясь указала на того, которого описал Талгат.

— Вот он! Точно он! Только была у него родинка на подбородке. Где она?

Стало ясно, что вражеский агент уже прибегал к гриму и другим средствам маскировки. Выходит, он и впредь будет менять свой облик, словно оборотень. Да он и есть оборотень! Какой же он теперь примет вид? На каких дорогах искать его? Как схватить за руку?

Едва вернувшись в город, Насир стал советоваться с Талгатом. Как бы то ни было, агент не станет сидеть сложа руки. Если его интересует полигон, то он не станет засиживаться в городе, а постарается попасть в Коктал. Нынешняя работа Талгата удобна, чтобы следить за дорогой. Вместе с тем они пришли и к такому выводу: надо продолжать искать врага по портрету, необходимо найти девушку, с которой он ехал, и уберечь ее от неожиданностей. Девушка еще очень молода, возможно, она работает на одном из предприятий города.

...Прошла неделя. Днем Насир обходил городские учреждения и предприятия, а ночами изучал личные дела работниц, приказы и объявления. Он составил большой список женщин, уходивших в очередной отпуск или выезжавших в командировки около двух с половиной месяцев назад. Женщин, работающих на фабриках, было больше, чем мужчин. Раньше Насир этого не замечал. Список отдыхающих в других местах, выезжавших по делам достиг двухсот человек. Из них были отдельно выбраны те, кто ездил в западном направлении. Насир торопился. Чтобы выяснить, куда и зачем ездили те люди, он провел не одну бессонную ночь. Иногда ему помогал Талгат. Список постепенно сокращался. Теперь первой в нем стоит фамилия Зинаиды Рябовой. Решили с нее и начать.

Утром Насир позвонил на обувную фабрику, ему сообщили: девушка была на хорошем счету, передовая работница, активистка, ее посылали в Ленинград, но, к сожалению, случилась непоправимая беда — Зина утонула. На вопрос: «Когда? Как это случилось?» Ответили: «Четыре дня тому назад она утонула в искусственном городском озере. Нашли ее только через сутки — ребятишки увидели труп среди водорослей. При вскрытии в ее крови был обнаружен алкоголь. Следов насилия на теле нет. Позавчера ее хоронили».

Насир целый день провел на фабрике, беседуя с подругами покойной. Ему рассказали, что девушка была очень доверчивой. Нет, ничего особенного в ее поведении в последнее время они не замечали. Только один раз она призналась, что собирается замуж. В столовой она спросила у подруг: «Сколько человек поместится в этом зале? Сто пятьдесят? Маловато. Я хотела свадьбу здесь отпраздновать, всю фабрику пригласить». Девушки стали спрашивать, кто же ее жених, какой он из себя, где он работает, но она отмахнулась: «Ну вас, девочки, я пошутила».

Возвращаясь с фабрики, Насир зашел к Рябовым. Плотные шторы задернуты. В комнате полумрак. За столом, подперев щеку, сидит безмолвная женщина в черном платке. Она не сводит глаз с портрета дочери. На вошедшего она не обратила внимания. Насир подошел к ней ближе.

— Таисия Каменовна, простите меня. Я глубоко сочувствую вашему горю. Но мы считаем, что Зина не утонула, а убита. Вы должны нам помочь.

Таисия Каменовна посмотрела на. майора выцветшими от горя глазами:

— Убили? Да за что же было, убивать ее, такую светленькую и ласковую? Кому она зло причинила, деточка моя?

— Я пришел специально ой этом с вами поговорить.

Таисия Каменовна встала и зажгла свет, молча предложила Насиру стул. Сама осталась стоять, забыв обо всем, кроме страшного слова «убита». Горе и гнев перемешались в ней.

— Кто убил мою дочь? Скажите матери, кто ее убил? Умоляю вас...

— Нужна ваша помощь, Таисия Каменовна, — мягко сказал Насир и, достав из кармана пачку фотографий, положил их на стол изображением вниз. — К вам не заходил мужчина 35—38 лет на вид? Я не стану вам его описывать, если вы его встречали, то узнаете сами.

Таисия Каменовна прошептала побледневшими губами:

— Неужели он? Нет, не может быть!

— О ком вы?

— В отпуск приезжал к нам один человек.

— Когда он был у вас?

— Давно уже. Месяца два прошло.

— Вы не ошиблись? Два месяца? Таисия Каменовна, прошу вас вспомнить хорошенько. Это очень важно.

— Нет, пожалуй, немного раньше приехал. Они вместе с Зиной приехали из Ленинграда. Недели две пожил у нас. — Она рассказала Насиру о Черноносове все, что знала сама. — Замкнутый он какой-то, нелюдимый. Я его с первого взгляда невзлюбила. Да вот вскружил девочке голову, она и рассудок потеряла, на все была готова ради него. Уже и при мне целует его, не стесняясь. Я стала укорять ее, стыдить, ворчала все, и он уехал к себе в Ленинград.

— А как его звали? Не помните?

— Как не помнить, Аркадий Антонович, а фамилия — Свинцов. Волосы у него ежиком, сам здоровый, плечистый, а глаза запавшие, старые.

— Свинцов?

— Да.

— Нет ли этого человека среди этих фотографий? — и он перевернул снимки.

Таисия Каменовна задержалась взглядом на портрете, сделанном со слов Калампур. Потом посмотрела на снимок, исправленный по описаниям Талгата.

— Как похожи эти двое! Близнецы никак? — и она указала на «талгатовского» агента. — Вот этот жил у нас. Ну и взгляд у него, прости господи!

Человек, которого встретили Калампур и Таисия Каменовна, представлялся под разными именами. Как же он убил девушку, которую, казалось, любил? Неосторожно? Или же у Свинцова не было другого выхода? Зина знала, где он скрывается, а ее, конечно, нашли бы сотрудники КГБ. Тогда провал неминуем. Этого и боялся Свинцов.

Таисия Каменовна ткнула пальцем в его фотографию:

— Этот убил мою дочь?

Насир помолчал немного и сказал:

— Мы должны сначала его найти, а потом я скажу вам точно.

16

Когда Насир вышел из дома Рябовой, уже стемнело, зажглись уличные фонари. Обойдя ярко освещенный перекресток, Насир свернул в темный переулок. Здесь он договаривался встретиться с Талгатом. Издали заметив майора, Талгат направил машину к нему.

— Рябова узнала человека, которого мы ищем. Фамилия его — Свинцов. Он остановился в этом городе, — сказал Насир, сев в машину. — По всему видно, он не собирается скоро покидать наш город.

Узнав о трагической гибели Зины, Талгат почувствовал боль и гнев. Ах, девочка, все могло быть иначе, если бы ты открылась подругам и не солгала матери! Разве решился бы Свинцов на такой шаг? Вот и погасла, как звездочка, короткая твоя жизнь.

Точно в это время разговор о Зине шел и в доме Глинова. После неудачной попытки отравить квартиранта хозяин превратился в его покорного слугу. Он научился понимать каждый жест квартиранта и не смел ослушаться. Но за ужином, после стакана водки, он попытался взбунтоваться. Что его толкнуло на это? Хмель? Или человеческая боль за молодую жизнь? Кто знает... Глядя вниз, он спросил:

— Почему сегодня не пришла Зина?

Черноносов делал себе перевязку перед зеркалом. Он удивленно оглянулся.

— Откуда же мне знать, где ее носит? Спроси у самой, когда придет.

— У самой, говоришь? — вскочил на ноги Глинов, но посмотреть в лицо Черноносова не решился, стоял с опущенной головой. — Как же у нее спросить, если она не придет сюда больше? Ведь она умерла. За что ты убил безвинную девочку? Что она тебе сделала?

Черноносов тряхнул его за плечи.

— Ты, собака, заткнись! Кто тебе сказал, что я убил ее?

— Знаю. Вы вместе ходили на озеро.

Черноносов отпустил его и расхохотался. Глинов поднял голову. Увидев лицо Черноносова, он испугался. Повязка сбилась. Свежие рубцы алели, глубокие шрамы безобразили улыбку.

— Что уставился? — толкнул его локтем Черноносов. — Девушку-то убил ты, а не я. Хочешь, гад, и меня держать на крючке? Не выйдет! Разве не ты к ней приставал: «Выйди за меня замуж. Со мной не пропадешь, у меня все есть, все тебе достанется. Зачем тебе этот бродяга?» Или не говорил ты Зине эти слова? У озера ты хотел ее изнасиловать. Когда это тебе не удалось, ты стал угрожать ей смертью. И убил! Да, ты убил ее, боясь, что она заявит на тебя. Кстати, это заявление она успела написать. Вот оно, у меня.

— Это неправда! Это клевета! Никто этому не поверит!

— Ты прав, Сидор Найденович, мне могут и не поверить. Но не сомневайся, ее-то заявлению поверят. Покойникам веры больше.

— Что ты от меня хочешь? За что мучаешь? Отстань от меня, прошу! Деньги тебе нужны?

— Что мне нужно, узнаешь потом. А впрочем ты, может, и сам догадываешься? — и он толчком усадил Глинова на место.

— Не такая уж это вина, что я взял у тебя деньги взаймы. Я же отдам.

— А ты думал, я тебе подарю то, что своим потом добыл? — он положил руку Глинову на плечо. — Веревка, которая затянется на моей шее, задушит и тебя. Помни об этом, Сидор Найденович. Теперь у нас одна судьба.

— Жалко мне Зинку, молодая еще. В чем ее вина? Что любила тебя, злодея? Какой же ты жестокий человек?!

Черноносов достал из кармана папиросы. Не спеша закурил. Скосил глаза на Глинова:

— Спрашиваешь, чем виновата? Вина у нее была очень большая — она знала о твоем преступлении. Я как-то показал ей твою «расписочку», так бедняжка испугалась, вырвала у меня бумагу, а сама шепчет: «Убьет он тебя, отравит, только момент выберет и убьет. Надо сообщить о нем в органы», — и бросилась бежать, Я ее у самых ворот догнал, еле удержал, с трудом уговорил молчать. Наконец пришлось сказать, что если она выдаст тебя, то между нами все кончено. Она хоть и послушалась тогда, но как-то раз в разговоре

сказала: «Глинов очень плохой человек. Он знает, что мы любим друг друга, и все же ко мне пристает, преследует грязными предложениями. Только ты отвернешься, он уже ко мне липнет. Один раз пытался взять меня силой. Я написала заявление в органы милиции. Пусть старый развратник получит по заслугам. Ты ему не доверяй. Давай вместе отнесем заявление».

— В милицию?!

— Да.

— Почему же ты помешал ей?

— Какая мне польза от того, что тебя посадят? Ты все же должник мой, мне спокойней, когда ты рядом.

— А-а, Зина не успела подать заявление? Ты об этом не знаешь?

— По-моему, не успела. Она бы мне сказала.

Глинов благодарно положил руку на колено Черноносову:

— Я-то ее считал застенчивой, доброй, открытой, а она, оказывается, еще та змея. Тьфу! Туда ей и дорога! Не будем переживать!

— А я вот не могу не переживать, — вздохнул Черноносов. — Известие о ее смерти поразило меня и расстроило. Я еще тогда подумал, а не ты ли ее утопил?

Глинов с ужасом смотрел на этого страшного человека.

— Чего смотришь? Ты же к ней цеплялся. Не мог уговорить, вот и...

— Аркадий Антонович, давай не будем с тобой играть в прятки. У нас обоих вины больше, чем достаточно. Говорят, на корабле у всех одна душа, общая. Лучше подумаем о своей шкуре.

Черноносов засмеялся и взял хозяина за руку.

— Кажется, мы только начали понимать друг друга.

В это время на улице послышались какие-то крики. Кто-то забарабанил в калитку. Оба вскочили на ноги. Когда Глинов направился к двери, Черноносов достал пистолет а приказал:

— В дом не пускать! Задержи!

— Знаю! Не бойся! — отозвался Глинов и выскользнул во двор.

Оказалась соседка — старая татарка Рафида. Была она глуховата и, разговаривая, громко кричала, а слушая, прикладывала к уху ладонь. Глинов посмотрел сначала в щелочку — Рафида была одна. Он сделал вид, что не узнал соседку.

— Эй, кто это там бродит среди ночи? Кого нужно?

Рафида закричала в ответ пронзительно и громко, распугав ночную тишину:

— Эй, Сидор! Сосед! Открой! Это я!

Глинов ее не любил. Боясь, что она переполошит всю улицу, открыл калитку.

— Ах, это вы Рафида-апа? Входите!

— Здравсти, Сидор! Курсак польный? Карашо. Эй, сосед, ты совсем одна. Я знаю: днем дома ты нет. Сегодня к тебе чужой человек приходил. Я сам видела. Голова такой трупка завязал. Ух, какой! — показала рукой Рафида. — Твоя милисия ходи. Она воровать ходил. Я тебе говорит.

Говорила она, путая русские, татарские и казахские слова. Но Глинов, который немного знал казахский, все же понял ее.

— Жаксы, апа, рахмет. Очень хорошо, — ответил он на том же словесном винегрете и попытался закрыть калитку.

— Соседи мы, надо друг другу помогать. А то потом обижаться будешь, — не унималась старуха.

— Я другой замок поставлю, крепкий. Никто не зайдет! Спасибо! Возвращайтесь домой!

Рафида, с сознанием исполненного долга, отправилась восвояси. Глинов оглядел улицу и скрылся в доме.

— Кто это был? Что ему надо среди ночи? — спросил встревоженный Черноносов.

— В соседнем доме живет старуха. Видела, как ты входил сюда, вот и пришла меня предупредить. Подумала, что ты вор, который специально лицо забинтовал, чтобы не узнали. Советовала в милицию заявить.

— Я не видел никакой старухи.

— Зато она тебя видела.

Черноносов помрачнел, задумался.

— Старуха одна живет?

— Одинокая бабка, — ответил Глинов и тут же понял, о чем думал жилец. — Ты эти мысли выбрось из головы. Если со старухой что-нибудь случится, нас с тобой в покое не оставят, доберутся, не сомневайся.

— Ты что, старухи испугался?

— Дело не в старухе. У нее много разных родственников. Один из них здесь в газете работает. Он часто заходит к ней. Сейчас, видимо, на учебе где-то. Если тебе не терпится в тюрьму попасть, дело твое.

Черноносов походил по комнате. Затем подошел к столу, налил из графина полный стакан водки и залпом выпил.

— Мне больше нельзя оставаться у тебя, Сидор. На думай, что я испугался. Не из тех. О тебе забочусь. Из-за меня пострадать можешь.

— Но тебе нельзя в таком виде людям показываться. Надо залечить сначала раны. Мир широк, что-нибудь потом придумаем.

Выход нашелся. Однажды Глинов, придя утром на работу, увидел стоявшую у склада машину. У ворот на лавочке сидели шофер и глупого вида толстяк с отвисшим животом. Вход для работников был подальше. Глинов повернул было туда, как его остановил Сатпаков, крича и махая рукой:

— Эй, товарищ! Чего ты испугался? Иди сюда!

Глинов направился к нему. Пока он подходил, Сатпаков успел оглядеть его с ног до головы. Ну и образина! И как его мамочка не испугалась, когда родила!

— Ты не знаешь, где наш тамыр?

До Глинова складом заведовал некий Бори Карабаев. Проворовался, и его посадили. Когда-то он встречался с Сатпаковым и взял у него взаймы некоторую сумму денег. Жундыбай не мог отказать такому большому человеку. Глинов понял, о ком спрашивал Сатпаков, но сказал:

— А кто это?

— Ты что, моего друга не знаешь? Бори его зовут.

— Не знаю.

— О аллах! Он не знает Бури и, однако, живет на свете и не краснеет. Я у тебя про заведующего спрашиваю.

— Он сейчас здесь не работает, сидит в тюрьме.

— В тюрьме?! Что ты говоришь? — испугался Сатпаков, глядя поочередно то на Глинова, то на шофера. — А ты не врешь?

— Зачем же мне врать?

— Ну да, конечно. Впрочем, я и сам знал, что он этим кончит. Уж очень у него глотка была широкая да пузо обширное. Вот и получил соответственно. А вы, значит, будете новым завскладом?

— Да, что вы хотели?

— Вы мне сразу понравились. Есть такие лица, с первого взгляда нравятся. Я как увидел вас, очень обрадовался. Простите, я разговариваю с вами, а сам не представился, да и вашего имени-отчества не знаю. Стыд! Сидор Найденович? Очень приятно! А меня зовут Жундыбай Сатпаков, — и он протянул доверенность на получение товара.

— Как видите, мы с вами коллеги — оба торговые работники.

— Я вас, по-моему, раньше не видел. Давно вы работаете в нашей сети?

— Вы правы. Мы вот с шофером в эти края недавно приехали. Родные места наши далеко, у самого моря. Пришлось уехать. Связался я там с одной бабенкой, женой родича, ну и пошли разговоры. А здесь, в Коктале у меня родственничек живет по материнской

линии. Оказывается, прежний продавец два года без отпуска мучился. Я и взял временно магазин. А этот паренек приехал сюда учиться. В техникум хотел поступить. Провалился и не хочет домой возвращаться. Стыдно ему чего-то. Остался жить у сестры.

Глинов вернул бумагу Сатпакову.

— У меня сейчас идет ревизия. Я не могу выдать вам все товары, указанные в заявке.

Сатпаков расстроился, почесал затылок:

— Ах ты, досада! Мы же издалека приехали. А сейчас время горячее, уборка идет. Если не обеспечить людей, то нам же шею намылят.

— Стоит расстраиваться из-за этого. Время летнее, дорога хорошая. Приедете еще раз, проветритесь, тогда и захватите все.

— Я бы в другое время и слова не сказал против. Но, поймите, много приезжих. Если я в этот раз вернусь с пустыми руками, то, считай, мне нет больше веры.

— А ты, оказывается, любишь поболтать, — Глинов перешел на «ты» и игриво толкнул нового знакомого локтем. — Чем соловьем разливаться, лучше бы ты, Жуке, заводил машину во двор. Для тебя, может, и найду что-нибудь.

— О! Давно бы так! — приподнялся с места Сатпаков и прикрикнул на шофера. — Чего расселся, как бай? Заводи машину во двор! Устал я тебя уму-разуму учить, бестолочь.

Когда машину загрузили, Сатпаков благодарно пожал своей пухлой рукой локоть Глинова.

— Прошу тебя, дорогой, в гости к нам приехать. Зачем тебе все время городскую пыль глотать? У нас там джайляу. Природа. Зелень. Красота! И воздух какой! Крепче спирта! Поваляешься на лужайке. Это не только вежливость с моей стороны, а просьба. Приезжай, увидишь, как Жундыбай друга умеет встретить.

— Спасибо, как-нибудь загляну.

— Буду ждать.

Глинов потянул Сатпакова за рукав, отвел в сторону:

— Жуке, у меня к тебе небольшая просьба. Дома у меня бабы нет, один я. А ко мне гость приехал. Вместе воевали, из одного котелка кашу ели. Заскучал мой гость. Хотел я ему показать наши края, да вот некогда все. Не захватишь ли его с собой?

— О чем речь? Машину жалко, что ли? Пусть едет с нами. Твой гость — все равно что мой гость, верно?

— В Коктале у меня сестра живет. У нее и остановится. Он тебе не будет в тягость.

— Эх, Сидор, о чем ты говоришь? Жундыбай не обидит гостя. От угощения никто еще не обеднел. Пусть едет, я ему наши места покажу.

— Когда вы возвращаетесь?

— Пока еще не жарко, думали добраться до Джетыбая. Там переждем жару и поедем дальше, по вечернему холодку.

— Ладно, договорились. Он будет ждать вас возле чайханы. Мне незачем провожать вас. Еще кто-нибудь хватится на работе. Не могу же я склад оставить.

— Да ладно, мы не убежим, не беспокойся.

Когда машина отъехала от склада, Жундыбай заныл какую-то песню. Настроение у него поднялось.

Перед чайной зеленела огромная лужа. Это вышел из берегов арык и затопил дорогу. Машина форсировала лужу и остановилась на сухом месте. Жундыбай высунул голову из машины:

— Лучше бы выехать сейчас, пока еще прохладно. Где же гость этого ненормального? — И он стал вертеть головой.

Черноносов в это время стоял неподалеку в тени дерева. Он видел, как остановилась машина, наблюдал за каждым движением сидящих в ней людей. Заметив, что они ждут его и даже проявляют нетерпение, он выждал еще немного и направился к машине. Увидев перед собой человека, лицо которого было так ужасно, Жундыбай испугался.

— Эй, парень, что за человек? Взгляни-ка на его рожу, ей-богу, это черт!

Черноносов заметил, что произвел неприятное впечатление на Жундыбая. Но ничем этого не выдал. Он вплотную подошел к ним и вежливо поздоровался.

— Здравствуйте! — и он чуть склонил голову. — Это машина идет в Коктал? Меня направил к вам Сидор Найденович.

— Это тебя зовут Ашрапов? Ганаудин?

Черноносов поклонился:

— Мы с Сидором на фронте вместе были.

— А сам ты откуда будешь?

Черноносову не понравился этот допрос прямо посреди оживленной улицы. Внезапная злоба охватила его, но он продолжал улыбаться:

— Мы из мамадышевских татар, приставших к среднему джузу. Отец вместе со своим хозяином-коробейником попал сюда еще в детстве. Ну и остался муллой, стал детишек учить шариату. В Мамадыше есть сестра отца. Она все пишет, что дети скоро забудут всю свою родню, совсем чужими станут, так хоть побывай, мол, у нас, когда отпуск дадут. Вот и побывал я там. На вокзале встретился Сидор Найденович и, несмотря на возражения, затащил к себе. Прямо с поезда снял, можно сказать, из вагона вытащил. А если человек в отпуске, не все ли ему равно? Решил и эти места посмотреть, узнать, какие здесь люди живут, — сказал Черноносов и, решив, что избавился от назойливых расспросов, поднял чемодан и приготовился садиться.

— Это хорошо, что ты думаешь узнать людей. Ты, оказывается, друг Сидора. Он нам тоже друг. Хороший человек никогда чужим не бывает. Может, зайдем по такому случаю в чайхану? Спрыснем первое знакомство.

— Я против водки ничего не имею. Но вот беда, с утра пить не могу. Не идет.

— Это хорошо, правильно. Ладно, доберемся до Джетыбая, там и покушаем. Садись, — и Жундыбай повернул голову, показывая на кузов, крытый брезентом. Когда Черноносов-Ашрапов уже полез в кузов, Жундыбай крикнул:

— Ганеке, мы тебе справа на ящиках место приготовили. Там кругом стекло, будь осторожен!

После полудня машина достигла Джетыбая. Издали был виден холм, на котором сверкал голубой купол мавзолея. Холм окружало озерцо, поросшее камышом и рогозом. Далеко разносились крики диких уток и гусей. И воздух здесь был какой-то особенный — вдыхаешь не раскаленные потоки, а бодрящие струи морского бриза. Но откуда здесь взяться морю?

Черноносов вылез из машины и сделал вид, что любуется открывшимся видом. Сказал подошедшему Жундыбаю:

— Удивляюсь, как среди этих солончаков и песков оказалось такое прекрасное озеро. Вода какая прозрачная. Откуда оно?

— В этом вот мавзолее покоится Джольбарс-ата. Он считается святым для всех Джалаиров. В джутовый год, когда народ обнищал и страдал от голода, умер он во время кочевки. Перед смертью он сказал своему народу, чтобы его тело погрузили на черного верблюда и отпустили повод. Пусть они остановятся там, куда приведет их черный нар. Там и будет спасение. Верблюд шел целый день, пока не достиг этого холма. В то время здесь властвовали пески и такыры. Аксакалы собрались на совет, недоумевая, как можно здесь жить целому народу? Но наутро люди увидели, что здесь появилось озеро удивительно чистой воды. Обессиленные жаждой и голодом, люди бросились к озеру, вознося благодарения аллаху и святому Джольбарсу. Но люди забыли вскоре о благодарности. Святой дал бездетным детей, кто хотел сына — сына, кто хотел дочь — дочь. Люди принимали все как должное, а построить мавзолей над могилой старца поленились, совсем забыли про это, пока один из его ученых потомков не выстроил вот этот мавзолей, — рассказал легенду Жундыбай, одну из тех, которых много живет в степи.

Черноносов-Ашрапов подошел ближе. Мавзолей был не велик, но весь отделан красными и синими изразцами. Краски очень чистые и долговечные. В глазури, как в зеркале, отражались вода и небо. На могиле лежала плита из белого мрамора, отшлифованного до блеска. Черноносов долго стоял задумавшись, потом, внезапно увидел в камне свое отражение, невольно вздрогнул и вышел из мавзолея.

Жамиш в это время достал из дорожной сумки холодное мясо, открыл консервы, словом, приготовил все для обеда на траве. Черноносов повалился на край красно-черного войлока. Только они успели выпить по рюмке и приступить к закускам, как на дороге показался мотоцикл. Ехали два джигита. Увидев их, Черноносов насторожился, отодвинулся от дастархана.

— Эй, Ганеке, ты почему не ешь ничего? — недовольно сказал Жундыбай и потом уже представил вновь подъехавших. — Этот вот парень, что за рулем сидел, сын председателя нашего райпотребсоюза. Сам он учитель, Арипбаем зовут. А его товарищ работает в районной столовой. Хоть и был его предок Джольбарс-ата святым человеком, этот оказался гнилым овощем, никакого образования не сумел получить. Его зовут Бахытжан-палуаном. Силач! Четыре человека не могут поднять канар, а он возьмет один и несет. Девки по нем сохнут, — хихикнул Жундыбай.

Черноносов украдкой следил за вновь прибывшими. Они стараются не смотреть в его сторону, скрывают отвращение. Но у Черноносова не проходило чувство близкой опасности. И водка не помогала.

— Отдохнем, поспим, пока жара не спадет, — сказал Жундыбай. — Выедем по холодку, а то не дорога будет, а сплошное мучение.

«Кто станет следить за мной в безлюдной степи?» — успокоился Черноносов, подстелил плащ и улегся в тени мавзолея. Водка размягчила его, стало клонить ко сну.

Черноносов огляделся и спрятал в карман очки. Он думал, что Бахытжан, лежащий за мотоциклом, спит. Не заметил, что тот с него глаз не сводит.

— Солнце уже низко. Вставай! — затряс Бахытжана Арипбай. — Пора ехать.

Бахытжан не сразу проснулся, отмахивался от товарища, как от назойливой мухи. Только когда Арипбай завел мотоцикл, он поднял голову. На Черноносова он и не посмотрел. Умылся и стал собираться в дорогу.

Черноносову стали смешны его недавние страхи. Стоило ли бояться этих разинь? Он покачал головой и проводил мотоцикл насмешливым взглядом.

...Установив, что вражеский агент в городе и скрывается под фамилией Свинцов, майор Бугенбаев вызвал Бахытжана из Коктала и хорошенько проинструктировал. Он предупредил его, что вражеский агент — человек сильный, хладнокровный, жестокий, решительный. От него можно ожидать всего. Он может встретиться в самых разных ситуациях и под каким угодно именем. Не исключено, что он владеет казахским языком. Следует на это обратить особое внимание. Если кто вызовет подозрение, не стоит поднимать шума, надо действовать разумно. Решили, что в таких случаях лучше связаться по телефону с Насиром.

...Молодой учитель Арипбай купил себе мотоцикл «Урал» и вилял на нем по улице, не умея как следует водить машину. Тут-то и встретился ему Бахытжан, который преподал ему несколько уроков «высшего пилотажа». С тех пор они и стали друзьями. Когда Бахытжана срочно вызвали в город, он решил, что удобней всего будет воспользоваться мотоциклом. На его просьбу Арипбай ответил вопросом:

— А не опасно ехать на ночь глядя? Куда ты так торопишься?

— Заведующий столовой отпустил меня на день. Завтра я уже должен быть здесь. Если не уеду сейчас, то не успею, а в городе мне надо быть обязательно. Сам знаешь, прошло немало дней, как я познакомился с той девушкой, а поговорить как следует не успел.

В селе всегда всем все известно. Тайна здесь явление условное. История о том, как девушка-практикантка, которая отвергла многих джигитов, вдруг подружилась с парнем из столовой, была известна многим. Арипбай же не придавал этому особого значения, считая, что легкомысленная девчонка решила скрасить свое пребывание здесь легким флиртом с красивым парнем. Правда, увидев красавицу Алтыншаш, он позавидовал своему другу.

Поехать с Бахытжаном Арипбай согласился, но предупредил:

— Я ночью еще не ездил, мотоцикл поведешь ты сам.

— Не беспокойся, дорогу и ночью видно хорошо.

Бахытжан выжимал из машины все, заставляя ее прыгать через рытвины и скакать через бугры. Арипбай едва держался сзади, но молчал, не желая просить ехать потише. Да и как запретишь другу ехать быстро, если ждет его любимая? А Бахытжан действительно был влюблен. Если он не видел Алтыншаш хоть один день, то места себе не находил. Но сейчас он мчал машину по другой причине. После разговора с Насиром и Талгатом он стал внимательней приглядываться к каждому человеку. Поведение Ашрапова Ганаудина ему сразу показалось подозрительным. Черные очки он надел только тогда, когда в небе появились самолеты. Если у него слабое зрение, то почему он не носит очки постоянно? Он надел их, увидев самолеты...

Через два часа они были в Коктале, а еще пятнадцать минут спустя он уже разговаривал с майором. Он сказал, что встретил в Джетыбае родственника, но сразу не узнал, тот очень изменился.

— Завтра приедет агай. Постарайся его встретить.

Насир говорил о Талгате.

Сколько ни говорил майор о терпении, Бахытжан потерял покой. С нетерпением ждал он приезда Талгата.

Было воскресенье. Столовая, занимавшая нижний этаж двухэтажного дома, не работала, в ресторане «Рахат», расположенном наверху, народу было много. Люди стояли и снаружи, ожидая своей очереди. Бахытжан держал для Талгата свободное место в углу зала, где они с Алтыншаш заняли столик. Они уже заказали обед и сейчас потягивали прохладный сок. Стены здесь были сплошь стеклянные, улица хорошо просматривалась. Алтыншаш первой увидела Талгата, который остановил машину перед столовой и рассчитывался с пассажирами. Она показала Бахытжану глазами на Талгата:

— Вы помните этого парня? Это тот шофер, который выручил вас, когда вы ехали к другу.

Бахытжан посмотрел в ту сторону, куда показывала девушка, и увидел капитана Майлыбаева. Он не уедет, не повидавшись с Бахытжаном. Но как его затащить сюда при Алтыншаш? Пока Бахытжан искал предлог, Алтыншаш сама предложила:

— Если вы не возражаете, пригласим его? Он нас весьма комфортабельно доставил сюда. Да и вас выручил. Так что мы в долгу...

Подведя Талгата к столику, Алтыншаш сказала:

— А с этим товарищем вы не знакомы? — и показала на Бахытжана.

— Кажется, где-то видел, но не припомню.

— Вы и вправду забыли?

— За день столько людей перевезешь, что себя не узнаешь. Извините, не могу вспомнить. Правда, девушку по имени Алтыншаш я запомнил накрепко.

Девушка покраснела, но ответила с достоинством:

— Мы давно не виделись. Спасибо, что не забыли.

— Вы же помогли мне найти то, чего не было. Как же вас забыть? — шутливо сказал Талгат.

В ресторане в это время сидел и Жундыбай с компанией. Услышав веселый разговор Алтыншаш с джигитом, он почувствовал досаду и зависть. Подняв мясистую руку, он подозвал официантку. Толстенькая, круглая, как шарик, женщина подкатилась к его столику и с трудом склонилась, слушая Жундыбая.

— Салима, что это за девушка напротив? Я ее раньше не видел.

— Это столичная штучка, из Алма-Аты, на практике здесь.

— Как ее зовут, знаешь?

— Как не знать? Живет неподалеку в «Кольбастау» сват наш. Так она ему какая-то родня по матери. Зовут ее Алтыншаш. У свата сноха родила, так мы с ней были вместе на торжествах.

Салима знала, что Жундыбай приехал сюда, бросив жену и детей. Понимая, куда Сатпаков метит, она расписывала Алтыншаш, не жалея слов, хотя знала о ней очень мало.

Жундыбай сунул ей в руку десятку и попросил:

— Ты бы попробовала с ней поговорить обо мне, а?

— Ой-бай, это не деревенщина с широким подолом, а девка ученая. Как же ее уговоришь?

— А кто она по специальности?

— Врач.

— Врач? М-м-м, — прикусил губу Жундыбай, задумался. — А кто с ней сидит?

— Не узнал? Это же парень из столовой.

— Я не о нем говорю. Кого она сейчас провела в ресторан?

— Ах, этот? Он шофер такси, пассажиров возит между городом и Кокталом. Его, что ли, испугался? — спросила Салима.

Мужчины за столом вели свой беспорядочный и оживленный разговор, не вслушиваясь в их беседу. Бог знает, о чем они говорили. Если спросить у самих, то и они вряд ли смогли бы ответить. Но вскоре они стали по одному прислушиваться, заинтересовались. Сидевший рядом с Жундыбаем джигит Карим просунул руку под локоть Салимы и ущипнул ее за бок. Та ударила его по руке.

— Не балуй, сажа печная!

— Чего брыкаешься, как необъезженная лошадь? Поди не один заезд выиграла! — пошляк расхохотался, оглядываясь на товарищей, но те его не поддержали.

Жундыбай, увлеченный Алтыншаш, облокотился на ручки кресла, откинулся на спинку и сказал громко, чтобы услышала девушка:

— Я-то думаю, кто здесь важничает, а это, оказывается, заведующий помоями!

Карим чуть со стула не упал от смеха.

— Ну, Жуке! Вот это отмочил! Прямо в яблочко! Молоток! Верно сказал, зачем им красавица, когда можно с грязными кастрюлями обниматься, ха-ха-ха! — довольный собой Карим продолжал хохотать. Все происходящее казалось ему забавным.

Алтыншаш сердито посмотрела на подвыпивших насмешников. В это время Бахытжан шепнул Талгату:

— Толстый, это продавец Сатпаков, он вчера ехал вместе с Ашраповым. Сегодня я того еще не видел.

Талгат кивнул головой. Алтыншаш заметила, что они о чем-то шепчутся, и решила, что ребята будут драться. Поэтому она сказала:

— Вы о чем-то шепчетесь. Прошу вас, не надо, — умоляюще сказала Алтыншаш.

Карим в это время подзадоривал своих собутыльников:

— Эх, джигиты, неужели мы уступим такую красавицу каким-то бродягам? Давайте сделаем так, чтобы они не только девушку, но и дорогу в ресторан забыли. Ну-ка, вставайте! — ему хотелось унизить ребят перед Алтыншаш.

Талгат не хотел допустить скандала.

— Не волнуйтесь, Алтыншаш, — сказал он и подошел к Кариму. — Я бы просил вас вести себя прилично, иначе...

— Ты посмотри! Он еще пугает! — Карим толкнул Талгата плечом и сунул ему под нос кулак.

— Убери руку!

— Этот кулак хочет познакомиться с твоим носом. Не могу же я отказать ему в этом маленьком удовольствии. — И он ткнул кулаком Талгата в скулу. Не успел он опомниться, как уже лежал на полу.

Жундыбай поднял вверх обе руки.

— Ну нет, увольте! Я не любитель всяких драк. Моя хата с краю! — он бочком стал уходить от опасного места. Дружки Карима стояли угрюмой кучкой, не решаясь вступиться за него. Карим не мог примириться с таким положением дел.

— Ах, ты так? Ну, гнида, держись! Так легко тебе не уйти! Хочешь своей крови глотнуть? — он тяжело, как бык, поднялся на ноги и выхватил из-за голенища нож. Сверкнуло лезвие. Люди отпрянули в сторону. Алтыншаш, встревоженная, вскочила с места. Согнувшись, Карим бросился на Талгата, выставив вперед оружие, но тут же снова упал на колени. Нож со звоном отлетел в сторону.

Алтыншаш посмотрела на Бахытжана блестящими глазами. Тот стоял спокойно, с видимым интересом наблюдая за схваткой. В это время подоспел милиционер с дружинниками. Всех участников скандала повели в отделение. Талгату это было на руку. Из допроса он узнал, где, когда и через кого познакомился Сатпаков с Ашраповым, где тот высадил последнего. В глубине души не особенно верил, что Свинцов пойдет на то, чтобы изуродовать так сильно свое лицо. Но слова молодого лейтенанта следовало проверить. За этим и приехал Талгат в Коктал.

Когда милиционеры и дружинники уводили Карима с дружками, Талгат поднял руку и улыбнулся.

Алтыншаш повернулась к Бахытжану.

— Этот человек не перестает меня удивлять. Кто он?

— Шофер такси.

— Он такой же шофер, как вы судомойка.

Бахытжан сделал вид, что не понял ее, и предложил мороженое.

Через полчаса пришел Талгат. Как ни в чем не бывало, он принялся за обед, рассказывая забавные и трогательные истории про пассажиров. Когда все вышли из ресторана, Алтыншаш извинилась, сослалась на дела и стала прощаться. Мужчины ее задерживать не стали. Через час они уже ехали в машине.

17

— Человек, которого вы видели, познакомился с Сатпаковым через некоего Глинова, заведующего продовольственным складом. Фамилия его Ашрапов, по национальности он татарин, — сказал в машине Талгат и подробно информировал Бахытжана обо всем, что узнал в милиции. Ашрапов сошел с машины на самой окраине райцентра, там, где раньше была свиноферма. На прощание он записал номер телефона Сатпакова, но до сих пор пока не звонил. Талгат повернулся к лейтенанту:

— Вот, пожалуй, и все, что мне удалось узнать о человеке, в котором ты сомневаешься. По профессии он шофер, но, кроме того, умеет ремонтировать часы. Он обещал Сатпакову починить его старые часы.

— Меня удивляет то, что Сатпакову не известно, у кого остановился Ашрапов. Мне показалось, что у них сложились приятельские отношения, собирались вместе ехать на джайляу колхоза «Кольбастау», и вдруг Сатпаков не знает, где сейчас его друг. Не понимаю.

— Ты в чем-нибудь подозреваешь Сатпакова?

— Я его еще по пограничному району знаю. Болтун. Человек ограниченный. Приходилось проверять его документы.

Машина Талгата повернула к озеру, что раскинулось сразу за райцентром.

— Нам надо узнать, где остановился Ашрапов. Не проверив твоих подозрений, я не могу уехать. Глядя на его поведение, в голову невольно приходит мысль: а не Свинцов ли этот Ашрапов? Если верить Сатпакову, то он привез гостя ради Глинова, который мог ему пригодиться в будущем. Сначала он и сам испугался вида Ашрапова. Говорит, что тот очень уж страшный. Это правда?

— Частично. Физиономия у него и вправду не очень симпатичная, но не настолько, чтобы в обморок падать. Я заметил, что рубцы свежие, некоторые даже не успели зажить. Шрам над правой бровью все еще кровоточит. Глаз постоянно слезится. Видимо, поврежден. Еще одно: перед тем как заговорить, он облизывает губы.

— А родинки на подбородке нет?

— Нет, и бороды не заметил. Подбородок гладкий. — Бахытжан с удивлением посмотрел на Талгата. — А почему вы об этом спросили?

— Существует специальная паста, при помощи которой можно всячески изменить лицо. Об этом часто пишут в западных детективных романах. Когда зашла речь о его обезображенном лице, сразу вспомнились слова Калампур. Она первой видела искусственную родинку на подбородке Черноносова.

— Вы хотите сказать, что Черноносов-Свинцов скрывается под фамилией Ашрапова?

— А сам ты как думаешь?

— Судя по портрету, между этими двумя есть сходство.

— Я еще не видел Ашрапова, поэтому ничего сказать не могу. Но именно сейчас, когда возникло подозрение, надо проверить его до конца. Если ты встретил у мавзолея Джольбарс-аты именно Черноносова, то будь начеку. От него можно всякой гадости ждать. Возможно, он больше и не встретится с Сатпаковым.

— Как это?

— Во-первых, Сатпаков не знает, у кого он останавливался в городе. Во-вторых, он прекрасно понял, что Жундыбай болтун и тупица. С таким связываться опасно.

Эти доводы показались Бахытжану вескими. Он ненадолго задумался:

— Гость не знает местности. Он постарается найти себе помощника. Кого?

— Трудно сказать. По-моему, станет искать знакомства с человеком неприметным.

— Как вы думаете, на ком он остановит свой выбор?

— Возьмет и тебя выберет.

— Меня?!

— Да.

— Вы шутите, товарищ капитан?

— Нет, я говорю серьезно. Удивляться тут нечему. Ты человек простой, незаметный, кроме того живешь отдельно, один. Сам ты парень здоровый, силой бог не обидел.

— Я раньше об этом не думал. Что же мне делать, если произойдет такая встреча?

— Мы ищем Черноносова. А вот кто такой Ашрапов, откуда он появился, нам пока не известно. Советовать что-либо заранее трудно. Однако нельзя терять времени, следя за человеком, к этому делу непричастным. Одним словом, сам видишь, что делать. Если где заметишь Ашрапова, немедленно сообщи мне. Я буду на базе. Завтра до десяти буду ждать твоего звонка.

— Если я почему-либо не смогу позвонить, то приходите сами в столовую.

— Ладно.

Ночь Бахытжан провел неспокойную. Утром же, придя в столовую, он своим глазам не поверил. В углу завтракал Ашрапов. Одна сторона лба и глаз перебинтованы. Через бинты проступила сукровица. Повар, увидев в дверях Бахытжана, подозвал его:

— Эй, джигит, иди-ка сюда! Здесь недавно был заведующий. Бедняга, видно, всю ночь не спал, совсем забегался. Не сегодня-завтра прибудут сюда шефы со своими машинами. Помогать будут на уборке. Их надо кормить? А чем? Сам знаешь, у нас мало свежего картофеля и капусты. Если приедут люди, то пустым чаем их не накормишь. Заведующий отправился на базу. Ты смотри, не уходи никуда. Если он привезет продукты, поможешь разгрузить машину. Слышишь, никуда не отлучайся!

— Ладно. Чай у вас есть? Дайте мне один чайничек, — попросил Бахытжан, кивнув согласно головой.

— С утра жажда замучила? Ты бы лучше поел. Я тут жаркое и почки приготовил.

— Спасибо, агай, ничего не хочется. Дайте чаю, а то вчера немного выпили, голова раскалывается.

Повар знал, что Бахытжан равнодушен к спиртному. Слова джигита удивили его было, но потом он хлопнул себя по лбу:

— Понял-понял! Можешь не говорить, все равно, знаю, — и он рассмеялся. — Невестушка приехала! А я-то думаю, куда ты запропастился. Значит, не выдержала, сама примчалась? Молодец, парень!

— Агай, вы говорите бог знает о чем. Зачем городской красавице деревенщина вроде меня?

— Э-э, ты мне зубы не заговаривай, выдумал тоже, себя ниже девки ставишь. Не кисни, держи голову повыше.

— Ладно, агай, принимаю ваши советы, — Бахытжан засмеялся смущенно. Взяв чайник, поискал глазами, куда бы сесть. Когда он проходил мимо Ашрапова, тот молча выдвинул стул, приглашая садиться.

— Спасибо, — сказал Бахытжан и, сев за его столик, принялся за крепкий чай. Заварен чай был умело, на одном пару, цвет его напоминал вишневый сок, а запах был вообще

сказочный. Напиток освежал и бодрил и очень хорошо утолял жажду. Бахытжан с наслаждением пил пиалу за пиалой.

Через некоторое время Ашрапов заговорил:

— Мы с вами знакомы. Вы не узнали меня?

— Где-то встречал, но вспомнить не могу, — Бахытжан засмеялся глуповатым смехом. — К нам в столовую много людей приходит. Разве всех запомнишь? Иной раз и хорошо знакомого не узнаешь.

Ашрапов устремил на него свой зоркий глаз:

— Молодому человеку нельзя быть таким забывчивым. Мы с вами встречались в Джетыбае, на дороге.

— Джетыбай, говорите? — Бахытжан сделал вид, что задумался. — Ах да, вспомнил! Вы еще приехали вместе с продавцом Сатпаковым. Как же вас зовут? Сейчас вспомню. Ганаудин? Да-да! Если не ошибаюсь, вы приехали к кому-то из родственников? Ну, как, нашли его?

— Найти-то нашел. Но его дома не оказалось — в колхоз послали.

— Не повезло, — Бахытжан принес чистую пиалу и налил чаю Ашрапову.

— Думаю, раз приехал, дождусь. Сейчас я свободен, не знаю, чем и заняться.

— В отпуску?

— Я работаю шофером в автобазе. Говорят, кто приезжает в Казахстан на уборку, много зарабатывает. Наши шоферы два года подряд работали на целине, а вернувшись, купили себе машины. Я тоже хочу счастья попытать.

— Хотите здесь поработать?

— Да, — не моргнул глазом Черноносов, — я вчера слышал объявление по радио, ну и пошел в автобазу. Им шоферы нужны. Вот и ухватились за меня: «В колхоз поедешь? Заработаешь хорошо». Я обещал подумать. Раз решил заработать, спешить, думаю, не надо. Не знаю, что лучше: ездить туда из района или жить в колхозе. Не могу на чем-нибудь определенном остановиться.

Бахытжан внимательно его выслушал. Сверлящий глаз Ашрапова его не смущал. Но почему-то сейчас он не находил уже сходство между этим человеком и Черноносовым. Ашрапов казался ему человеком, думающим только о заработке. Это чувство помогло ему вести себя непринужденно, что было особенно важно в первые минуты.

— По-моему, лучше ездить из района. Тогда сохранится заработок на месте. Кроме того, будут платить командировочные.

Неожиданно Ашрапов спросил:

— А вы почему бросили шоферить?

— То есть как «бросил»?

— Я заметил, что вы неплохо разбираетесь в технике. Кроме того, я слышал, что ваша невеста сейчас живет в колхозе. Разве не было бы для вас лучше, если бы вы работали шофером? Как-то даже неприятно, что здоровый и знающий молодой человек возится с кастрюлями.

Этого Бахытжан не ожидал. Он задумался, подперев щеку ладонью. Потом засмеялся:

— Вы думаете, только за баранкой можно зарабатывать? Откуда вы знаете, что здесь я зарабатываю меньше других? Сами видите, на здоровье не жалуюсь. Питание хорошее, ем за троих. И получаю каждый месяц больше сотни. Этого мне хватает вполне. На еду я ничего не трачу, а заработок со стороны имею. Зарплата полностью сохраняется.

— Но ведь трудная работа, грязная.

— Это правда.

Ашрапов отхлебнул уже остывшего чаю:

— Говорят, вчера драка была в ресторане? Что-то из-за официантки началось, кажется. Приревновали, что ли? Ты не знаешь, что за скандал был?

Драку в ресторане видели многие. Конечно, уже пошли слухи, что все началось из-за девушки-врача. Все это известно Ашрапову. Его расспросы похожи на проверку. Надо говорить правду.

— Ничего особенного не произошло. Два-три джигита приехали из аула, выпили и стали нас задевать. Об этом, наверное, и говорят люди.

— К вам приставали? А я слышал, что какой-то таксист всех их раскидал. Вы-то при чем?

— Мы с девушкой сидели отдельно, обедали. Потом к нам присоединился таксист. Они-то, сами знаете, везде свои. А девушку он, видно, раньше знал, он сразу с ней разговорился, шутить стал.

— Это та девушка, о которой говорил повар?

— Да.

— Она, кажется, ваша невеста?

Бахытжан неопределенно улыбнулся, как бы говоря, кто знает, и продолжил свой рассказ:

— Девушку увлек разговором, она и забыла обо мне. Сидит, глаз с шофера не сводит. Я не знал, как избавиться от него. Хотел придраться, поссориться и уйти, но меня эти парни опередили. Началась драка. Явился милиционер и забрал всех в отделение. Кстати, и ваш знакомый был среди задержанных.

Ашрапов удивленно пожал плечами:

— Мой знакомый? Кто же это, интересно бы узнать?

— Продавец райпотребсоюза, здешний. Тот, с которым вы ехали в одной машине из города.

— Ах, этот! И его посадили, беднягу?

— Нет, он же не дрался. Его пригласили как свидетеля.

Черноносов хотел узнать именно об этом. С этой целью он и поджидал здесь Бахытжана. Увидев накануне, что милиционер и дружинники ведут группу людей, он узнал среди них Сатпакова и очень испугался, что того посадят и допросят. Если продавец назовет имя Глинова, то чекисты легко раскроют, что Зина ходила именно в тот дом. И ниточка потянется к нему самому. Верить никому нельзя. Сатпаков же продаст ни за грош. Да и Глинов не станет запираться. Ашрапов боялся этого. Узнав, что Сатпакова не стали задерживать и отпустили без допроса, он успокоился.

— Если парни дерутся из-за девушки, то, видно стоит того ее красота. А чего же этот толстопузый мешается? Эх, недаром говорят казахи, что у старого бугая глаза всегда похотливые, — и он рассмеялся.

В это время в столовую вошел Талгат. По вчерашней договоренности, они с лейтенантом должны были встретиться в десять у центрального магазина. Бахытжан не позвонил и на условленное место не пришел. Талгату самому пришлось сюда явиться. Войдя в столовую, Талгат сразу увидел Алтаева, пьющего чай с Ашраповым. И он отвернулся, сделав вид, что не видит их:

— Кому в город? Есть одно место! Кому в город?

Ашрапов даже головы не повернул, спросил шепотом:

— Этот таксист вчера дрался?

Бахытжан кивнул головой, недовольно поморщился. В столовую вошла женщина, ведя за руку зареванного малыша.

— Дорогой, я вот этого плаксу покормлю, а то без конца плачет. Ты подождешь немного? — сказала она Талгату.

Талгат пожал плечами:

— Вам же лучше, если раньше выедем. Потом солнце припечет, сами не усидите. Ладно, ешьте поскорее.

— Спасибо, родной, — поблагодарила обрадованная женщина и, глядя на доброе лицо шофера, осторожно спросила. — А по пути завернем к мавзолею Джольбарс-аты?

— Если оплатите проезд, я вас и в Бухару отвезу к святым местам.

— Слишком любит деньги, — неприязненно сказал Ашрапов, не повернув головы.

Бахытжан, словно не пожелав больше видеть «соперника», встал и ушел на кухню.

Ашрапов подошел к Талгату:

— Одно место, говорите, свободное? Вы меня не подбросите до третьей фермы совхоза «Пригородный»? Это недалеко. За тридцать километров отсюда, у самой дороги.

— Сзади сядешь. Рядом поедет женщина с ребенком — сказал Талгат и подозвал официантку. — Не буду скупиться, надо и мне червячка заморить. Дорогая, принеси мне рисовой каши. Чай подай без сахара.

Когда Ашрапов вышел, Талгат похлопал себя по карманам:

— Эх, сигарет надо купить, — и он прошел в буфет. Там он долго не задержался, вышел и стал есть свою кашу. Ел он с заметным аппетитом, хоть и с трудом заставлял себя глотать каждую ложку. Дверь в столовую была прикрыта неплотно, за каждым шагом шофера следил Ашрапов...

Когда машина выехала на дорогу, ведущую в город, Ашрапов полез в карман.

— Ах, черт! Курево забыл купить! — и он нагнулся к Талгату. — У вас не найдется сигаретки?

Талгат достал из кармана нераспечатанную пачку и протянул пассажиру. Тот закурил и вежливо спросил:

— Вам достать?

Ашрапов попросил закурить, зная, что Талгат прошел в буфет за сигаретами. Ему хотелось выяснить, за куревом ли ходил Талгат в буфет.

— Ты что, меня моими же сигаретами угощаешь? Добрый какой! — и он взял пачку из рук Ашрапова и положил в карман. — Ты брось эту привычку.

— Извини, руки-то у тебя заняты. Вот и хотел удружить.

— Не хочется вкусную кашу дымом портить, — шутливо сказал Талгат. — Потом покурю.

После этого Ашрапов замолчал. Возле фермы он коротко поблагодарил шофера, отдал деньги, вышел из машины и быстро, чуть ли не бегом, пошел по узкой тропинке. Казалось, человек очень спешит. На самом же деле Черноносову на ферме нечего было делать. События последних часов встревожили его. Все казалось подозрительным. И этот парень, что подручным в столовой работает, и скандал в ресторане, и то, что там был замешан Сатпаков, и еще этот скучный шоферюга, с которым не смогли справиться три мужика.

Прошло уже почти два месяца с тех пор, как он перешел границу. Все это время он живет в напряжении, в постоянном страхе. Больше ждать нельзя. Надо действовать решительно. Снимки кое-какие ему удалось сделать. Конечно, если доставить эти снимки шефу, ему бы хорошо заплатили, похвалили, но особенно много за них не получишь. Но он хотел узнать больше и для этого ему надо оставаться в Коктале. Даже если уехать в какой-нибудь колхоз, все равно не избежать встреч и разговоров с людьми, спрятаться совсем невозможно. Одно хорошо, что на земле казахов слово не лежит, а летит. С большой скоростью распространяется молва по древнему степному телеграфу, имя которому — узун-кулак. Люди уже знают, что с продавцом Сатпаковым приехал в район новый человек. «Приехал один остроглазый, рожа у него, бедолаги, вся в шрамах», — наверное, так уж говорили. У него нет другого выхода. Он сам должен проверять каждое возникающее подозрение. Садясь в машину Талгата, он хотел узнать, не встретился ли тот в буфете с Бахытжаном и купил ли он сигарет. Когда шофер передал ему новую пачку, он почувствовал облегчение. Едва машина скрылась вдали, он снова вышел на дорогу и стал ждать автобуса на Коктал. Через полчаса он уже сходил с автобуса в райцентре, даже не заметив в автобусе двух людей, которые стерегли каждое его движение.

18

Прошлой ночью Талгат связался с городом и поговорил с Насиром. Он кратко доложил ему об Ашрапове. Несмотря на то что капитану не удалось точно установить, что Ашрапов и Свинцов одно лицо, Бугенбаев послал двух сотрудников в Коктал, чтобы оградить полигон от возможных диверсий врага. Об этом он сказал Талгату и добавил, что чекисты выедут утренним рейсом. Талгат, завидев издали автобус, развернул машину и поставил посреди дороги. Потом открыл капот и стал копаться в моторе. Автобус подъехал ближе и остановился перед неожиданным препятствием. Вместе с шофером

сошел еще один пассажир. Шофер оказался хорошим парнем, готовым прийти на помощь человеку, попавшему в беду. Он сказал:

— В народе говорят: «Пусть жена не умирает, когда ты стар. Пусть конь не подыхает, когда на полдороге встал». Ну, что случилось? Дай-ка, взгляну!

— Попробуй стартером поработать, может заведется, — озадаченно сказал ему Талгат и, когда тот сел в машину, шепнул стоявшему рядом человеку: — Оставил его на тридцатом километре. Левый глаз перевязан.

— Понял вас.

Машина завелась. Талгат закрыл капот.

— Надо же было мотору именно здесь заглохнуть. Спасибо за помощь! — и он, сев в машину, поехал дальше.

В три часа дня он был в городе. Поставив машину в гараж, Талгат позвонил Насиру. Через час были готовы фотографии Ашрапова, снятого в разных ракурсах. Их передал Алтаев. Насир разложил перед собой фотографии и стал внимательно рассматривать.

— Очень хорошие снимки. Видно каждое пятнышко, — сказал он одобрительно. — Ты обратил внимание, что правая сторона лица у него без единой царапины?

Он открыл ящик стола, достал оттуда портреты Свинцова и положил их рядом. Потом закрыл левую часть лица бумагой.

— Ну, теперь взгляни! Похожи?

Да, это было лицо одного человека. Все же Талгат долго рассматривал их.

— Это Свинцов, — сказал он убежденно и вскочил на ноги. — Будем брать?

— Где те деньги, которые он вам дал? Немедленно пошлите на экспертизу. Надо сравнить с отпечатками пальцев, снятыми в доме у Рябовой. Прошу вас заняться этим, а я схожу к Рябовой. Потом решим, что делать дальше.

Через полчаса Насир уже беседовал с Рябовой.

Из множества снимков она уверенно выбрала фотографию Черноносова, сказала:

— Удалось вам схватить убийцу Зиночки? Он, видно, сильно поранился, когда его задерживали. Весь перевязан. Прошу вас: покажите мне его один только раз. Очень прошу!

— Хорошо, я сам за вами приеду, — сказал, прощаясь, Насир. Теперь ему было ясно, кто скрывается под личиной Ашрапова.

Из областного управления госбезопасности Насир позвонил генералу. Генерал тут же связался с Москвой. Через час Насир уже готовился к поездке в Коктал. Он сказал Талгату:

— Может, проводишь меня до Джетыбая? По дороге поговорим.

— Мой рейс только через двое суток будет. Прикажете ждать?

— Все пусть останется без изменений, выезжайте, когда пошлют. Торопиться не следует, можем спугнуть Черноносова.

— Что же делать мне?

В это время зазвонил телефон. Талгат поднял трубку:

— Слушаю вас! Кого? Сейчас передам, — и он протянул трубку майору. Звонили с почты.

— Алло! Кто это говорит? Да, я, да, да. Когда принес? Зачитайте текст! Вы еще не отправили телеграмму? Хорошо, сейчас буду у вас, — положив трубку, сказал Талгату.

— Ну вот, а вы жаловались, что делать нечего. Вот и нашлась вам работа. За пятнадцать, минут до этого кто-то дал телеграмму Ашрапову. «Тетя больна. Приезжай».

— Кто отправитель?

— Худощавый человек средних лет. Идемте со мной.

Через десять минут они уже были на почте и разговаривали с девушкой, принимающей телеграммы. Отправителем оказался Глинов. Девушка-телеграфистка сразу узнала его на показанной ей фотографии. Насир поблагодарил девушку, и они с Талгатом вышли на улицу. Машина, которая должна была отвезти майора в Коктал, уже ждала их.

Когда машина вышла за город, майор повернулся к Талгату:

— «Тетя больна», что бы это значило? Кто «тетя»?

— Я тоже об этом думаю. Но несомненно одно: Глинов почуял опасность и предупреждает Ашрапова.

— Он, видимо, вел наблюдение за домом Рябовой. Мои посещения его насторожили. Об этом он и сообщает Черноносову. Но я не заметил, чтобы за мной следили.

— Видимо, он делал это не сам, а воспользовался чьей-то услугой, скажем, мальчишек подговорил или женщину послал, — Талгат опустил стекло машины. — Телеграмму будем отправлять?

— Нет, не спешите с этим. Мы еще не расшифровали ее текст. Наши предположения еще ни о чем не говорят. Однако следует отправить телеграмму из Коктала на имя Глинова, чтобы не тревожился.

— А если наш текст не будет соответствовать коду?

— Если наша телеграмма встревожит Глинова, придется его арестовать. Для того, чтобы не спугнуть Черноносова, дадим в газете информацию, что арестован расхититель народного добра, заведующий продовольственным складом и так далее. Это не должно сильно обеспокоить Черноносова, так как он понимает, что сесть за кражу и сесть за убийство — не одно и то же. Так что Глинову будет выгодней молчать.

Талгат не стал спрашивать, о чем говорил Насир с генералом и зачем едет в Коктал. Этого не принято делать. Он посидел молча, потом спросил:

— Что делать, если Глинов попытается уехать из города?

Насир понял ход мыслей Талгата и рассмеялся:

— У нас не было времени поговорить с глазу на глаз. Сейчас нам никто не даст разрешения на арест Черноносова. Ведь еще не известно, какую цель он преследует? Мы взяли Наматханова. Он оказался агентом-щитом, которым пожертвовали хозяева, чтобы сохранить другого шпиона. Кто еще работает на Черноносова? Какие у него связи? На кого он опирается? Как он встретился с Глиновым? Это мы должны узнать, во что бы то ни стало. Вас я в Коктал послать не могу, пока не придет ваша очередь. А Бахытжан хоть и подозревает, но все же не уверен, что Ашрапов не тот, за кого себя выдает. Он точно не знает, что это Черноносов. Не зная этого, он может допустить оплошность, которую потом трудно будет исправить. Мне кажется, что Черноносов сейчас очень внимательно следит за каждым шагом Бахытжана. Следует основательно подготовить Бахытжана к крупной игре, не торопясь. Поэтому и выехал я сразу в Коктал. Здешние дела до следующей поездки остаются на вас. Вы спрашивали, что делать, если Глинов попытается покинуть город? Что ж, мешать ему не станем. Если хочет, пусть едет. Все равно вернется. Черноносов ему не разрешит уехать. Вот, пожалуй, все. Буду ждать вас через два дня в Коктале.

У самого мавзолея Джольбарс-аты они догнали городской автобус, идущий в Коктал. Насир пересел в него, а Талгат с шофером повернули назад. Капитан сошел возле ресторана. Только увидев его неоновую вывеску, Майлыбаев почувствовал страшный голод. За обедом он обычно держался свободно, и, вставая из-за стола, чувствовал себя отдохнувшим. За это короткое время ему удавалось подвести итоги прошедшего дня. Одним словом, это были редкие минуты полного отдыха, которые приносили чувство спокойной радости. Он неторопливо прошел через весь зал к угловому столику и сел рядом с человеком, углубившимся в газету. В позе человека, в его руках было что-то знакомое. Талгат отодвинулся немного в сторону и чуть не ошалел от неожиданности: перед ним сидел Ашрапов-Черноносов. Левый глаз был прикрыт черной тряпицей. Откуда он взялся? Как он попал сюда? Или получил какую-нибудь другую телеграмму от Глинова? Почему же наши работники не сообщили ничего? А может, Черноносов заметил за собой слежку и решил скрыться, уехать совсем из этих мест? Все эти мысли успели в долю секунды промелькнуть в мозгу Талгата. Если бы в это время Черноносов посмотрел на сидящего перед ним человека, он бы сразу заметил, как изменилось его лицо. Талгат быстро сумел взять себя в руки. Он махнул рукой, подзывая официантку. Однажды после работы он отвозил ее домой. Она кивнула как старому знакомому, подошла и улыбнулась.

— Что будете заказывать? Есть борщ из свежей капусты. Мясо по-казахски. Очень вкусное. Или горячей самсы желаете?

Черноносов только теперь увидел соседа. Он поморщился, взял из пепельницы недокуренную сигарету и зажег спичку.

Талгат видел это краешком глаза. Но, словно все это его не касалось, обратился к официантке:

— С утра маковой росинки не было во рту. Голоден, как семь волков в лесу.

— Значит, мясо по-казахски?

— Прекрасно! Давайте по-казахски, по-русски, по-дунгански,только быстрей.

— Да, у шофера работа не легкая, попробуй целый день провести на колесах, — посочувствовала официантка. — Вы без машины? Может, стопочку принести?

— Несите, только быстрей, дорогуша!

Посмеиваясь, официантка ушла, покачивая бедрами. Черноносов, глядя ей вслед, сказал:

— Видно, неплохая женщина, — подбородок его непроизвольно дернулся. Черноносов достал из кармана сигареты. — Вы прошлый раз обиделись, что я вас вашими сигаретами угощаю. Прошу закурить моих.

Неужели Черноносов проделал путь в пятьсот километров, чтобы только выяснить свои сомнения? Талгат отодвинул пачку:

— До чертиков уже накурился, тошнит. Надо сначала подкрепиться, а то уже руки дрожать стали.

— Вы местный?

— Да, уроженец этого города.

— Женаты, наверное?

— Не скопец же я в конце концов.

— Вот вы какой обидчивый. Я просто спросил, чтобы за столом беседу поддержать. Не надо сердиться.

— Ничего страшного. Болеет жена, поэтому сорвался. Вы тоже простите.

— А что с ней?

— С почками неладно. Уехала на курорт.

— В Крым?

— Нет, в Сары-Агач, под Ташкентом. Зачем далеко посылать, когда рядом есть санаторий. Вода, говорят, там хорошая.

Талгат уже заканчивал обед, когда в зал вошел пьяный молодой человек, о чем-то переругиваясь со швейцаром. Видимо, он где-то падал, потому что брюки у него были в грязи.

— Так, у других деньги честные, а у меня что, ворованные? На свои пью, нечего мне мораль читать.

Он буквально рухнул на стул рядом с Талгатом.

— Дай закурить! — протянул он руку Черноносову.

Неловко достав сигарету, он всю ее замусолил и выплюнул. Взял другую, с трудом закурил. Талгат узнал молодого человека, он видел его в кабинете у майора Бугенбаева. Насир тогда их познакомил. Это Айдар Кыдырбаев. Видать, Бахытжан успел сообщить в областное управление, что Черноносов выехал из Коктала в город. Айдар ударился локтем о край стола, чертыхнулся. Талгат сидел и удивлялся его актерским способностям. Настоящий артист. Он бросил мутный взгляд на подошедшую официантку, икнул:

— Принеси-ка мне сто грамм.

— Какие тебе еще сто грамм? Иди проспись! Пьяным не отпускаем.

— Кто пьян? Я? Не-е-ет, вы ошибаетесь, барышня. Полбанки оприходовал Кушунбай, а пьян, выходит, я? В огороде кузина, в Киеве бузина, а пьян дядька? Я в ро-от сегодня не брал. Это у меня от вчерашнего запах.

— Вы уже и дням счет потеряли. Не знаете, когда пили. Я вам ни грамма не дам, понятно?

— Я же у тебя не бесплатно прошу, а за свои деньги. Неси! — и он застучал кулаком по столу. Локтем он столкнул со стола графин и тот со звоном разбился.

— Милиция! Позовите милиционера! — закричала официантка.

Милиционер увел Айдара, несмотря на его протесты. У того ноги разъехались, и он повис на плече милиционера. В качестве свидетелей в отделение были приглашены и Черноносов с Талгатом. На лице Ашрапова ни следа тревоги, он очень спокоен. Не торопясь, он поставил свою подпись под протоколом.

В отделении милиции Талгат узнал, почему так быстро вернулся в город Черноносов. Самолет, летевший в город Жанашар, вынужден был сесть в Коктале, потому что погода резко ухудшилась. И раз уж график полетов был нарушен, экипажу было приказано лететь в Жанашар через город Н. В самолете оказались свободные места, и их заполнили пассажиры, желающие попасть в Н. Среди них оказался и Черноносов. Выяснив это, Бахытжан срочно предупредил областное управление. И оперативная группа во главе с Айдаром прочесала город в поисках Черноносова. И вот нашли его в ресторане.

В то время, когда эксперты сопоставляли отпечатки пальцев, снятых в доме Рябовой, и с денег, которые Черноносов заплатил Талгату, Черноносов-Ашрапов ехал на грузовике в Коктал. В городе он пробыл очень недолго и не встречался с Глиновым. Это удивило Талгата: зачем Черноносов приезжал в город? Может быть, хотел узнать, следят за его действиями или нет?

Черноносов, вернувшись из города, стал действовать открыто и быстро. Он устроился на местную автобазу механиком и... зовет к себе Бахытжана: «Здесь можно сделать большие и легкие деньги. Только дай согласие, и деньги сами потекут в твои карманы». Ясно, что ему крайне необходимо найти себе сообщника.

— Ну и что вы решили?

— Пока ничего не предприняли. Сами знаете, быть рядом с Черноносовым очень опасно. Он в любое время может что-нибудь выкинуть. Нужен человек, который помогал бы Бахытжану.

— Бахытжан хоть знает, с кем он имеет дело?

— Мы ему ничего не говорили, но он догадался сам. Когда я спросил у него: «Что, если вы встречаетесь не с Ашраповым, а с Черноносовым, который ходит под чужим именем?» Он даже не удивился. Сказал: «Я это уже давно знаю».

— Правда? — Талгат, вытерев промасленной тряпкой руки,сказал:

— Настоящий джигит! Даже я, когда встретил Черноносова в ресторане, очень растерялся. Кто мог подумать, что я увижу человека, которого встречал утром за пятьсот километров отсюда, — и он рассказал всю историю, происшедшую в ресторане.

Насир, склонив голову набок, молча слушал. Когда Талгат кончил, он сказал:

— Трудно обвести вокруг пальца такого опытного врага, как Черноносов. Его и брать будет нелегко. Возможно, он попросит вас отвезти его куда-нибудь, ведь вы знакомы. Когда должны встретиться Бахытжан с Черноносовым?

— Послезавтра в обеденный перерыв в столовой. Сейчас Бахытжана нет в районе, он уехал в колхоз «Кольбастау».

— По графику послезавтра я должен быть в городе. Как можно встретиться с Бахытжаном?

— Придумайте что-нибудь.

На следующий день в самом центре города, как раз напротив ресторана, машина Майлыбаева столкнулась с грузовиком. Работники госавтоинспекции, прибывшие на место происшествия, решили, что виновен водитель такси Майлыбаев. Они определили, что Майлыбаев был пьян. Все это произошло на глазах людей, которые собрались вокруг. В тот день, когда Бахытжан должен был встречаться с Черноносовым, Талгат в десять часов утра сидел в столовой. Перед ним стояла пустая бутылка из-под водки. Бахытжан подошел и сел рядом.

— Здравия желаю, товарищ майор! Поздравляю вас с присвоением вам знания майора!

— Кто тебе сказал?

— Бугенбаев.

— Ты уже успел встретиться с Насиром? Когда ты вернулся?

— Сегодня на рассвете, на военном грузовике.

— Ты был один?

— У Алтыншаш в районе оказались дела — нужно пополнить запас лекарств, — мы приехали вместе.

— Это девушка проницательней, чем я думал. Она уверена, что по профессии я не шофер.

— Она и мне не верит. Однажды она даже спросила: «Когда вы вернетесь в Алма-Ату?».

— Что же ты ответил?

— Что я могу сказать? Ответил, что Алма-Ата далеко.

— А она?

— Просто усмехнулась — и все.

— Подумайте о том, чтобы она не могла встретиться с Черноносовым. Он очень осторожный человек, еще учует что-нибудь.

— Понял, товарищ майор!

— Когда решил перейти на работу в гараж? Говорил об этом с Насиром?

— Майор мне все рассказал. Сейчас жду заведующего столовой. Подпишет заявление, и я свободен.

— Встреча с Черноносовым здесь?

— Он должен прийти в обед.

В этот момент в окне промелькнула фигура Черноносова. Бахытжан заволновался.

— Что-то рано он пришел.

— Не беспокойся, Бахытжан, — шепнул Талгат и бросил на стол полпачки сигарет и коробку спичек. — Все, больше не буду курить, шоферы по два раза не повторяются. Все. Что, не веришь? Давай руку!

Бахытжан подал руку и громко заговорил:

— Теперь, если нарушишь слово, то не обижайся, сниму с твоей руки эти золотые часы. Посмотрим, как он бросит курить, — сказал он и поискал глазами свидетеля. Увидев появившегося в дверях Черноносова, он сказал: — Ганеке, подойдите сюда, мы вот поспорили с этим трепачом, что он бросит курить. Будьте вы свидетелем.

Талгат сделал вид, что пьян.

— Ты думаешь, я проиграю? Лучше готовься положить свои денежки в этот вот карман, — и он похлопал себя по пиджаку.

Черноносов, увидел на столе пустую бутылку, решил что Талгат и вправду пьян.

— Он не удержится долго. Через несколько минут снова закурит, — сказал Бахытжан, как будто он уже выиграл спор.

Черноносов покачал головой. Он попросил официантку принести ему водки и выпил с удовольствием. Ему хотелось натравить друг на друга шофера, который остался без работы, и джигита-здоровяка из столовой, хотел разжечь между ними вражду. Если верить разговорам, этот шофер легко справился с двумя-тремя джигитами. Видно, владеет кое-какими приемами. Где мог научиться им простой шофер? Вот если б эти двое сейчас схватились, он бы мог узнать, просто ли хорошо дерется Талгат или обучен этому специально.

Но ссоры не получилось. Талгат сидел молча, как человек, у которого по телу разлилась после водки дремота. Он пошарил в карманах, ища сигареты. Черноносов осторожно пододвинул к нему пачку, лежащую на столе. Взяв одну сигарету, Талгат посмотрел на Бахытжана, затем на Черноносова и сказал:

— Э-э, хитрецы! Сидят, будто ничего не знают. Вы думаете, что легко получите мои золотые часы? Вот, получите! — и он скрутил им кукиш. — Слово шофера — закон! Сказал — отрезал!

— Ты, джигит, потише! — сказал. Бахытжан и положил на стол свой огромный кулак. — Не кипятись. Закуришь — заберу твои часы и еще по шее наваляю.

Талгат долго рассматривал сигарету и затем положил в пепельницу.

— Я же не курю — просто в руки взял.

— Возьмешь в губы, хоть просто так, и я считаю, что ты проиграл. Это все равно, что насыбай употреблять.

— Э-э, ты это брось. Мы же не спорили на насыбай.

Бахытжан, увидев заведующего столовой, заторопился к нему. Сказал, обращаясь к Черноносову:

— Вы не отпускайте друга. Он, видимо, хочет нас дураками оставить. Ишь ты, насыбая захотел.

Тот кивнул головой в знак согласия.

Прошло немного времени, и послышался громкий голос заведующего столовой. Он кричал на Бахытжана, который словно прилип к нему.

— И не проси, все равно я тебя никуда не отпущу. Куда я тебя пущу в такое страдное время? В своем ли ты уме? Только тогда, когда на свое место найдешь такого же парня, буду говорить с тобой.

Бахытжан взмолился:

— Асеке, вы же тоже были молодым джигитом. Почему вы стоите на моей дороге? Я переведусь в гараж, тогда в «Кольбастау» буду чаще наведываться — мне это очень важно. А здесь вы в неделю не даете ни одного дня.

— Ты же только что из «Кольбастау». Умираешь, что ли, без нее?

В столовую вошла Алтыншаш. Кажется, она слышала разговор Бахытжана с заведующим. Подошла к спорящим, взяла Бахытжана за руку и сказала:

— Нашлась машина, идущая в «Кольбастау». Я сейчас уезжаю. Зашла попрощаться с тобой.

Заведующий столовой бросил взгляд на девушку, посмотрел на Бахытжана, словно спрашивая: эта твоя невеста? Тот кивнул головой. Заведующий покусал усы и сказал:

— Что делать? Давай заявление, подпишу.

Когда Алтыншаш вошла в столовую, Бахытжан невольно растерялся: только что они говорили с Талгатом о необходимости предупреждать встречи девушки с Черноносовым, и вот... Но делать ничего не оставалось.

Бахытжан взял подписанное заявление, помахал им в воздухе, подвел Алтыншаш к столу и усадил. Указывая на Черноносова, сказал:

— Познакомься, Алтыншаш, это механик нашего гаража — Ганаудин Ашрапов. С этого дня я в его распоряжении, в его воле — пускать меня в «Кольбастау» или нет..

Черноносов встал с места и поздоровался:

— Была бы моя воля, я отдал бы в ваши красивые ручки парня. Да и вообще отправил бы его в колхоз.

Алтыншаш рассмеялась и благодарно сказала:

— Агай, спасибо за комплимент! Мы с Бахытжаном используем вашу доброту.

— Я ничего для вас не пожалею, но у меня власти, силы не хватает.

— По-моему, для того, чтобы отправить человека в колхоз, не нужно ни власти, ни силы, — удивленно произнесла Алтыншаш.

Черноносов понял, что допустил ошибку, и стал оправдываться:

— Просто к слову пришлось. — И сразу же переменил тему разговора. — Удивляюсь я нынешним молодым людям. Вы вот врач, а Бахытжан простой рабочий, и все же вы сумели найти общие интересы. Вы — люди разных уровней, что вас может связывать?

Талгат сидел и дремал, словно окончательно опьянел. Услышав вопрос Черноносова, он весь внутренне напрягся; если девушка выскажет сейчас свои подозрения, можно считать, что операция потерпела крах. Остается одно: схватить Черноносова на месте. Бахытжан, тоже поняв это, стоял наготове.

Алтыншаш долго смеялась над словами Черноносова.

— Агай, вы говорите, словно только что спустились с небес. Вы что, марсианин? Любовь не выбирает людей.

Талгат и Бахытжан облегченно вздохнули, словно с их плеч свалился неимоверно тяжелый груз. Черноносов этого не заметил, поднял стакан:

— Вы обезоружили меня своими словами. Будьте счастливы! — и он опрокинул зелье в рот.

Алтыншаш повернулась к Талгату, голова которого склонилась на грудь, тряхнула его за плечо:

— Что с вами?

Талгат убрал ее руку.

— Вы все равно не сможете забрать у меня часы. Сказано — сделано!

От Талгата несло водочным перегаром. Алтыншаш посмотрела на Бахытжана:

— Он совершенно пьяный. Что с ним?

Черноносов ответил вместо него:

— Он вчера попал в аварию, машину разбил. Теперь ему кучу денег выложить придется в возмещение убытка, да и работы лишился. Вот и запил человек.

Алтыншаш встала:

— Бахытжан, не провожай меня. Отведи лучше этого человека домой и уложи его.

— Думаете, он послушается? Впрочем, попробую...

Когда Бахытжан почти волоком втащил Талгата в свою квартиру и закрыл за собой дверь, Талгат выпрямился и провел по лицу рукой, словно снимая маску.

— Цены нет этой девушке, — сказал он, — умница. И тебя любит по-настоящему.

Бахытжан уставился в пол и довольно улыбнулся.

19

Шли занятия на полигоне. Группы самолетов, пролетавшие над районом на рассвете на север, больше не возвращались.

Куда садятся самолеты?! Есть ли поблизости аэродром? Если он есть, то насколько он далеко от райцентра? Зачем здесь самолеты? Вот основные вопросы, которые волновали в эти дни Черноносова. Дорого бы дал он за то, чтобы получить на них ответ. Собранные же им материалы были весьма неконкретны. Чтобы их дополнить и уточнить, ему нужно было подобраться поближе к полигону, который, по его предположениям, располагался где-то недалеко от колхоза «Кольбастау». Но как туда попасть, какие найти для поездки причины? Причин, поводов не было. Вот почему он уговаривал Бахытжана перейти в автобазу.

С кем имеет связи Черноносов? Есть ли у него сообщники? Каково основное задание вражеского агента? — эти вопросы интересовали контрразведчиков. Вот почему Бахытжан из столовой перешел в автобазу.

Когда Бахытжан осматривал на яме одну из машин, к нему подошел Черноносов.

— Хочешь заработать?

— Кто же не хочет? Но я не вижу, чтобы деньги валялись на дороге.

— Мне тоже хочется подзаработать. Затем сюда и приехал. — Черноносов закурил, исподлобья наблюдая за Бахытжаном. — У меня есть один знакомый, ученый. Сам он живет в городе. Если присмотреться со стороны, он вроде как полоумный. Считает, что металл можно добывать не только плавлением, но и путем измельчения руды. Его сотрудники смеются над его мыслями. У ученых ведь денег много, хоть пруд пруди. Он просил добыть ему кое-какой металл.

Бахытжан, смеясь, ответил:

— Ганеке, вы говорите о чем-то непонятном. Если вашему ученому нужен металл, то в гараже полно обломков различных металлов. Давайте соберем и отвезем.

— Эх, дурачок ты! И как могла полюбить тебя девушка-врач? — Черноносов захохотал и, заметив, что Бахытжан нахмурился, потрепал его по плечу. — Не обижайся, браток! Просто пошутил! Думаешь, люди отдадут нам деньги за просто так? Моему ученому не просто металл нужен, а обломок самолета, сбитого снарядом. Он этого хочет.

— А где мы его возьмем? — Бахытжан не понял, о каком обломке самолета говорит Черноносов. Но спросить не решился.

— Сейчас, кажется, недалеко от «Кольбастау» идут стрельбы по мишеням. Думаю, что мы можем воспользоваться хоть одним обломком.

Бахытжан задумался.

— А директор гаража отпустит? — спросил он. Этот вопрос показался Черноносову вопросом не думающего рассеянного человека.

— Невеста твоя ведь в «Кольбастау» живет? Скажи, что она заболела, найди причину.

— Ганеке, не говорите такие плохие слова. Что такое заболела?

Черноносов, смеясь, сунул Бахытжану в руки пачку денег.

— Это ученый передал тебе на магарыч, не бойся. Плохие слова не действуют на деньги, как хочешь, так и транжирь. Ну как, договорились?

Бахытжан торопливо положил деньги в карман и сказал:

— Ну что ж, так и быть, привезу обломки, чтобы они упали на его несчастную голову. А еще деньги будут? — Бахытжан довольно улыбнулся. — Ой, мы тут смеемся, а о том не задумались, отпустит меня директор или нет.

— Деньги в кармане, вот и действуй.

— Но он мужик суровый. Все же попытаюсь.

— Говори ласково, чтобы за душу брало.

— А что, если я ему денег предложу?

Черноносов, добавив денег, глухо сказал:

— Здесь я ни при чем. Но только смотри, чтобы мы могли поехать в «Кольбастау».

Бахытжан в тот же день встретился с Талгатом и рассказал ему обо всем. Талгат задумался.

— Обломок самолета, говоришь? — спросил он.

— Да.

— Зачем Черноносову обломок сгоревшего самолета?

— Он думает только о том, чтобы побыстрее попасть в «Кольбастау». Не знаю, что он хочет там делать.

— Будь осторожен. Насир сегодня отправился в «Кольбастау». Если сегодня приедет директор таксопарка Даулбаев, то я смогу уехать в город. Не думай что ты останешься один, здесь действуют наши ребята. Они помогут, если возникнут трудности. Если будут неожиданные изменения, новости, жди спокойно, не торопись. По-моему, за нами кто-то следит. Быстро разойдемся. Ты достань деньги и дай мне. Ну, пока. — Талгат приложил к губам кредитку и пошел прямо в магазин.

И вправду, Черноносов видел, как кто-то преградил путь Бахытжану, но в темноте не узнал человека. Он подождал Бахытжана на углу и спросил:

— Кто это? — и указал в спину уходящему Талгату.

— Да это тот шофер, таксист. Выпросил у меня в долг пять рублей. Видимо, ждет своего директора. Кажется, всю вину сложили на него одного и хотят ободрать как липку. Парень не согласен, поэтому просит прислать из города экспертов. Видимо, с ними приедет и его директор.

— Все это вранье. Машина-то целехонька!

Бахытжан вздрогнул, побледнел. Днем Черноносов, несомненно, заметил бы это, но сейчас была ночь, темнота скрывала лицо парня.

«Откуда он узнал, что машина цела?» — удивился Бахытжан и спросил у Черноносова, идущего рядом:

— Вы говорите, что машина цела? Но ведь все видели, что она перед рестораном врезалась в грузовик!

— Все это для вида, а машина стоит в укрытии в гараже. Ты знаком с этим шофером, возможно, ты сможешь объяснить мне все это?

— Ганеке, вы пьяны? Откуда я могу знать, разбита у него машина или нет? Если хотите, спросим у самого шофера. Он пошел в магазин за водкой.

— Довольно, пусть он пропадет пропадом. Нам какое дело до этого? Лучше приготовь машину, чтобы мы смогли выехать отсюда, — он махнул Бахытжану рукой и свернул в темный переулок.

Бахытжан всю ночь не сомкнул глаз: «Неужели Черноносов догадывается, что авария была инсценирована?»

Назавтра, когда они ехали в «Кольбастау», Черноносов, видимо, желая выяснить все до конца, продолжил ночной разговор.

— Часто я вижу тебя с этим шофером. Везде вы встречаетесь. О чем только вы говорите?

— Я и с вами встречаюсь каждый день. Любой может спросить, какие отношения могут быть у меня с вами?

— Мы же работаем вместе, и в том, что мы ежедневно встречаемся, нет ничего особенного. А вот ты какое имеешь отношение к какому-то городскому тунеядцу?

Бахытжан держал руль одной рукой. Заметив, что Черноносов не сводит с него глаз, он сказал:

— Нас свела девушка из «Кольбастау». Сами знаете, я человек не ученый. Всю жизнь работал, ничто другое меня не интересовало, не трогало. Но, оказывается, на этом свете есть много интересного. И удовольствия есть. Все это я узнал совсем недавно. И только благодаря Алтыншаш. Иногда все это мне кажется сном. Но мне кажется, шофер нашел ключик к ее сердцу. Она его жалеет, может быть, даже больше. Это вы видели сами. Терпеть этого подлеца не могу...

Бахытжан и вправду соскучился по Алтыншаш, видимо, поэтому его слова прозвучали так, что не поверить им было невозможно. Черноносов, делая вид, что сочувствует ему, пожал его локоть и сказал:

— Если не можешь терпеть этого прохвоста, то почему подпускаешь его к себе? Прогнал бы...

Бахытжан удивленно спросил:

— Как?

— Не ребенок, сам должен понять.

Черноносов не доверял Талгату. Было бы здорово убрать его со своего пути при помощи Бахытжана. Бахытжан с глупым выражением на лице посмотрел на Черноносова.

— Меня же упекут, если я убью его. Лучше потерпеть. У этого шофера, кроме зубоскальства, ничего нет. Через две-три недели Алтыншаш уедет. Я подзаработаю и тоже не задержусь здесь долго. Ганеке, я слышал, что в городе людям не хватает денег. Я сам не жил в большом городе. За квартиру там много сдирают?

— Эх, да ты не понимаешь ничего. — Черноносов выплюнул окурок. — Ты сперва получи невесту, а деньги потом. Зачем тебе деньги, если они не принесут удовольствия?

— Не могу я взять на себя такой грех, убить человека. Я за всю свою жизнь и мухи не обидел. И не говорите.

— Я-то думал, что ты настоящий джигит, а ты, оказывается, слюнтяй. Ты же знаешь, что он падок на водку. Вот и добавь туда кое-чего, и дело с концом.

— Он сразу околеет, как выпьет это?

— Зачем же так? Тебя могут и заподозрить. Яд постепенно разольется по телу, как водка. И никто не подумает, что его отравили.

— Что делать, если узнают?

— От этого вещества и следа не останется, как оно смешается с водкой. Врачи скажут: «Умер от водки». Так что действуй.

— Жаль, что вы раньше не сказали. Надо бы дать его и тому повару, который с утра начинает орать.

— Тут баловству места нет, «лекарство» это на вес золота. Легко в руки не достается.

— Ганеке, а где вы берете такие редкие вещи?

— Эх, парень, есть человек, у которого и не такие вещи имеются.

— Видимо, этот человек самый богатый в мире.

— Скажи лучше, самый красивый человек на свете.

— Неужели это женщина?

— У того ученого, для которого мы с тобой стараемся, есть молодая жена. Стоит увидеть — не устанешь на нее смотреть. Я познакомился с ней, когда искал глазные капли. В аптеке работает.

— Ей можно доверять? А то возьмем лекарство и пропадем.

— Человек она надежный и рта не раскроет. — Черноносов подмигнул и улыбнулся. — Ученые спорят о возможности жизни на других планетах. А зачем женщинам другие миры, им нужна теплая постель на Земле.

— Ганеке, вы оказывается, кое в чем разбираетесь, — Бахытжан хотя и знал, что Черноносов врет о своих связях с ученым, но поддерживал разговор.

— Если ты не трус, а мужчина, то лекарство для тебя готово.

— Его можно получить сегодня?

Черноносов испытующе посмотрел на него:

— Да ведь шофера такси нет рядом. Зачем оно тебе сейчас?

— Человеку на колесах до района недалеко. А вдруг случай подвернется, где я вас буду искать?

— Что? Он хотел приехать в «Кольбастау»?

Бахытжан понял, что допустил ошибку.

— Он может приехать и без уговора, — и вздохнул: — Он же зарится на Алтыншаш.

— Вот как! — Черноносов захохотал. — А ты, оказывается, здорово ревнив. Ладно, получишь лекарство, как только приедем в «Кольбастау». Ты дашь его ему на моих глазах.

Не успев ничего ответить, Бахытжан замедлил ход машины, издали увидев стоявший на обочине «Москвич». Шофер — молодой русский парень — издали поднял руку навстречу идущей машине.

— Чего стал? — крикнул Бахытжан, высунувшись из машины.

— Аккумулятор сел. Дотащи до «Кольбастау» — заплачу.

Бахытжан повернулся к Черноносову. Тот спросил у шофера:

— А у тебя есть трос?

— Забыл.

Пока Бахытжан и шофер «Москвича» цепляли трос, Черноносов стоял в стороне. Сегодня по дороге в «Кольбастау» встречалось много машин и мотоциклов. Теперь вот и «Москвича» встретили. Все это не нравилось ему. Сев в машину, он недовольно пробурчал:

— Ты поменьше останавливайся. Надо добраться засветло.

На другой день Черноносов послал в город Н. телеграмму до востребования на имя Тарасова. Кто такой Тарасов? Где он работает? Чем он связан с Черноносовым? Черноносов не скрывал, что отправлял телеграмму. Когда они вышли из колхозного отделения почты, он сказал:

— Я был уверен, что здесь голая степь, а вон сколько фруктов да овощей. В городе все это не дешево стоит. Друг у меня есть, хочу ему посылку организовать. У тебя-то есть знакомые в Н.?

— Я дальше района не выезжаю. В городе раза два и был за всю жизнь. Девушке надо было подарок купить. Устаю я от сутолоки. Нет у меня там знакомых, да и не нужно.

В телеграмме Черноносова на первый взгляд ничего подозрительного не было.

«Здесь съестного много. Если будешь в городе, в конце недели пришлю посылку. Ашрапов».

Бахытжан несколько раз повторил про себя текст телеграммы.

Талгат сообщил Бахытжану, что майор Бугенбаев должен быть здесь. В селе сейчас много людей. И все куда-то спешат, группами уезжают на машинах. Но Насира он нигде так и не встретил. А Талгат перед отъездом напоминал ему: «Сам ничего не решай. В нужное время товарищи тебя сами найдут».

Бахытжан не хотел запоздать с сообщением о телеграмме Черноносова. Тот, заметив волнение Бахытжана, взял его за руку и отвел в сторону:

— Ты, друг, что-то суетишься очень. Ну-ка, что случилось?

— Я сюда приехал не для того, чтобы собирать фрукты. Мне свою девчонку найти надо, а я за вами хожу, как привязанный. Время зря теряю.

— Ты же ходил в правление. Что там сказали? — успокоился Черноносов.

— Одни говорят — на ферму уехала, другие, что она здесь. Говорят даже, что видели ее с военными, возможно, она уехала с ними.

— А ведь может и такое быть.

— Вы тоже решили поиздеваться надо мной?

— Ты попусту не злись, парень, — Черноносов сам сел за руль. — Здесь не город, никто не станет проверять. Ты пока успокойся, а я сам поведу машину. Человеку, когда он злится, нельзя садиться за руль.

— Куда поедем?

— Не с пустыми же руками возвращаться, захватим яблок. Я взял бумагу в правлении. Говорят, особенно хорошие яблоки на ферме номер три. Двинем туда, возможно, и твоя девушка там.

В то время, когда Бахытжан и Черноносов ехали в сторону третьей фермы, за сотни километров отсюда, в городе, Глинов получал на почтамте телеграмму.

Текст черноносовского послания уже был известен Бугенбаеву. От него же в Н. на имя Талгата ушла шифровка с приказом выяснить все, что можно, о Тарасове.

Наблюдение установило, что телеграмму получил Глинов. И тут же дал ответ:

«Жду посылку. Тарасов».

Размышляя о «посылке», Талгат решил, что Черноносов имеет в виду обломок самолета, но тут же отказался от этой мысли — не будет же он посылать его по почте, в его распоряжении машина. Значит, смысл слова «посылка» заключается в другом. Он связался с Алма-Атой и доложил все генералу Байтокову. Генерал, выслушав Талгата, коротко сказал:

— Постараемся как можно быстрей разобраться. Возможно, под «посылкой» подразумевается человек. Мне кажется, что на этой неделе он хочет встретиться с кем-то, скажем, с тем же Глиновым. Если дело обстоит именно так, предупредите людей об осторожности — перед отъездом он попытается скрыть все следы. Лучше будет, если вы сами поедете туда. Сколько километров от райцентра до колхоза? Сто пятьдесят? Ну, тогда счастливого пути!

Талгат прикинул: от Н. до Коктала примерно пятьсот километров — 7—8 часов на машине, потом еще часа два до колхоза. Если выехать вечером, утром можно будет пить чай в «Кольбастау». В тот же вечер он выехал из города.

Машина стояла в степи, Черноносов ухитрился незаметно для Бахытжана проткнуть оба передних ската — ему нужна была эта остановка.

Черноносов сидел в кузове. Он чувствовал, что находится рядом с тайной и должен приоткрыть завесу над ней. Он фотографировал все подряд — каждый снимок стоил денег.

— Заклеил камеру? — с нетерпением крикнул он. — Сегодня же выедем назад.

Бахытжан понял причину такой поспешности, но задал наивный вопрос.

— А дынь и арбузов не захватим?

— Купим по пути.

— Ганеке, я сегодня не поеду никуда. Пока не встречусь с Алтыншаш, с места не тронусь.

Черноносов сжал зубы, но промолчал. Он пристально смотрел в сторону села.

— Ты кончил?

Бахытжан понял, что Черноносов схватился за оружие.

— Садитесь, сейчас поедем, — сказал он спокойно, но внутренне готовый к схватке с врагом.

— Здесь есть прямая дорога в Н.? — спросил Черноносов, садясь в кабину.

— Не знаю, может, есть тропы для верховых, а для машины дороги нет. Это точно. Чтобы попасть в город, надо ехать через райцентр.

Только глубокой ночью вернулись они в «Кольбастау».

— Сейчас спать, — сказал Бахытжану Черноносов, — а утром двинем в город.

Утром, когда они входили в столовую перекусить перед дальней дорогой, Черноносов заметил Талгата. Насторожился, почуяв опасность. Талгат махнул рукой, подзывая их к себе.

— Идите сюда, садитесь с нами, — и он познакомил их с сидящим рядом толстым казахом. — Директор нашего таксопарка Кайракбай Даулбаевич. Обком направил его сюда уполномоченным.

Черноносов знал директора. Когда он только приехал в город, то хотел устроиться таксистом. Тогда-то Глинов и показал ему директора со стороны. Увидев Даулбаева, Черноносов успокоился, повеселел. Когда Талгат ушел в буфет, он под столом передал Бахытжану маленький пакетик и шепнул.

— Вот лекарство.

Тот понимающе кивнул головой.

— Ну, используй же удобный момент, не то не видать тебе девки, как своих ушей. Сыпь в его стакан и быстро едем.

Машина мчалась по хорошо накатанной дороге. Когда скрылись из виду последние домики колхозного поселка, Черноносов со злорадством спросил Бахытжана:

— Парень, а тебе известно, что за убийство дают расстрел?

— Я никого не убивал...

— А кто подсыпал яд шоферу такси? Кто это называется? Учти, я все это своими глазами видел.

— Ганеке, не губите меня. Я же голову потерял от любви. Ревность замучила, — Бахытжан незаметно протянул руку к заводной ручке. — Да вы ведь сами дали мне это лекарство.

— Сиди спокойно, парень! Убери руку! Пока ты возьмешь свою железку, я из тебя дух вышибу! — он выхватил из кармана пистолет и направил его на Бахытжана.

— Кто ты такой? Что тебе нужно от меня? Что ты за человек?

— Об этом ты узнаешь только в городе. Гони прямо в город. Да не вздумай по дороге кричать или еще какой фокус выкинуть. Убийце веры нет, запомни это. Понял?

Бахытжан молчал, будто сраженный неожиданностью и вынужденный подчиняться.

Насир с Талгатом слышали этот разговор — в кабине машины Бахытжана был установлен миниатюрный передатчик. Насир спросил:

— Бахытжан знает, что боевые патроны в пистолете шпиона заменены на холостые?

— Знает, я ему все сказал.

— В какое время они должны прибыть в город?

— Если даже будут выжимать из грузовика все, что можно, и то не раньше полуночи.

— Утром я говорил с генералом. Судя по тому, что они миновали райцентр и направились в город, Черноносов спешит к Глинову, у которого хранится рация. — Насир усмехнулся. — Придется нам встретить Черноносова. А пока идите к Кайракбаю Даулбаевичу, извинитесь и сообщите, что уезжаете в город.

Даулбаева Талгат увидел возле домика аулсовета, он беседовал с Алтыншаш. Девушка еще издали помахала Талгату рукой и подбежала.

— Вы Бахытжана не видели?

— Видел, они уехали.

— Как? Он же обещал, что захватит меня с собой.

— Значит, спешил очень.

Девушка погрустнела.

— А вы не увидите его скоро?

— Может, сегодня увидимся.

— Вы не смеетесь надо мной?

— Поверьте, я говорю вам правду.

Девушка повеселела. Она достала из сумочки свернутую вчетверо газету, быстро написала что-то на белом поле и протянула Талгату.

— Скажите ему, что я его жду.

Талгат повертел в руках газету.

— Не боитесь, что я прочту?

— Там ничего секретного нет. Можете почитать — вам тоже полезно будет знать.

— Вот как? — Талгат положил газету в карман. — Тогда обязательно прочту.

Кайракбай слышал разговор молодых людей. Он сердито посмотрел на Талгата.

— Эй, парень не морочь девушке голову! С этим не шутят. Ты этого юношу никак не сможешь увидеть. Мы с тобой сейчас поедем по отделениям.

Талгат отвел в сторону директора и показал ему служебное удостоверение. Кайракбай долго рассматривал фотокарточку Талгата, потом глянул на него и улыбнулся:

— Желаю тебе счастливого пути, сынок, — он крепко пожал Талгату руку.

Через час Насир с Талгатом уже летели в Н. на военном самолете. Когда машина набрала высоту и взяла курс на город, Насир сказал:

— Девушка, с которой ты прощался, Алтыншаш? Очень красива.

— Она о Бахытжане спрашивала. Написала ему записку. Разрешила и мне прочитать. Даже сказала, что полезно, — Талгат достал из кармана газету и развернул ее. — Ой, да это же Бахытжан! — и он протянул ее Насиру. Газета была прошлогодней. Со снимка на них глядел парень в шлеме мотоциклиста. Снимок был сделан на стадионе. Подпись гласила:

«В этом году особенно интересно прошли традиционные мотогонки. Обладателем специального приза молодежной газеты стал студент Казахского государственного университета мастер спорта Бахытжан Алтаев».

Насир не смог удержать улыбки:

— Мы-то его маскировали, в судомойки переквалифицировали, а она, оказывается... Почему же не сказала об этом Бахытжану?

— Может, не хотела мешать его работе. Как бы то ни было, а она оказалась умницей. Придется это послание передать незадачливому адресату.

Через час самолет приземлился на аэродроме города Н.

Той же ночью был арестован Глинов. Оперативная группа под руководством Насира устроила в его доме засаду. Ожидание затянулось. Черноносов все не приходил. Талгат начал сомневаться:

— А если он вообще не явится сюда?

— Судя по телеграмме — обязательно заглянет. Без денег и рации ему нечего делать. Никуда не денется, все его вещи, все шпионское снаряжение здесь.

В это время Черноносов лежал в саду, скрытый высокой травой. Прошло уже несколько часов, как он приехал в город. Слежки и погони за ним не было. Он лежал, грызя зубами травинку, и не сводил с дома глаз. Ставни были прикрыты. Это условный знак — «все спокойно, все благополучно». Но что с сердцем? Откуда это предчувствие близкой опасности? Ах, если бы не рация! Он ужом бы уполз из этого сада, муравьем бы перелез через кордон...

У Черноносова был свой ключ от двери. Решившись наконец, он тихонько вставил ключ в скважину и от внезапной слабости прислонился на секунду к косяку. Тихонько открыв дверь, он бесшумно скользнул в сени. Нет! Рванулся назад, но его схватили чьи-то сильные руки. Нет! Но на запястьях уже щелкнули наручники. Шею охватил широкий браслет, не давая опустить подбородок и с хрустом разгрызть ампулу с цианистым калием, чтобы обмануть чекистов, уйти из их рук. Все было напрасно! Поздно!

Когда Черноносова подвели к машине, он увидел в ней Бахытжана, которого сам сегодня вечером застрелил в упор на пустынной дороге. Когда воскресают мертвые, живые сходят с ума... И Черноносов понял: тот ночной выстрел в далеком отсюда лесу не достиг цели.